

K 1513964

oc

37

Лариса Патракова

*«И коснулась
звезды...»*

Санкт-Петербург

«Друзья»

2005

ББК 84(2Рос=Рус)
П 20

Патракова Л. Р.

П 20 Радуйся! Стихи и проза: В 2 кн. – СПб.: «Друзья», 2005. – Кн. 2: «И коснулась звезды...». – 408 с.

ISBN 5-94542-175-8

Во вторую книгу нового сборника Ларисы Патраковой вошли стихи, написанные в разные годы.

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 5-94542-175-8

© Л.Р. Патракова, 2005

*В том месте, где земля избыток сил
Вливала в сон полдневный зверобоя,
Где легкий ветер травы колосил,
Кружилась бабочка. Нас было двое.
Из самой глубины просила я доверия.
И на плечо мне села.
И темный, звездный шорох бытия
Пронзил мое доверчивое тело...
Но в этот раз живой осталась я...*

ПОЗВОЛЬ МНЕ БЫТЬ

* * *

Безмолвье тьмы не расколоть:
Нет ритма, тайны нет.
Не выдержав, занял Господь –
И с песней хлынул свет.

Молитва

Позволь мне Быть! Когда в глухой почве
Торжественная муза ожидания
На все мои вопросы промолчит,
От всех замков старинные ключи
Измучают ладонь – сухой гортанью
Позволь напиться гулкой тишины,
Которая во мне живет как пленник...
О, смилуйся, разрушь, соедини –
Так утомили призрачные сны...
Позволь мне Быть!
Однажды, на мгновенье...

* * *

Отцу Вячеславу

Неисчерпаемая тайна
Открытой книги бытия.
Нет изощрённей испытанья:
Смысл букв не постигаю я.
Так откровенно безразличны
К моей тоске: проникнуть в суть.
Надмирны, холодны, безличны –
Какую боль они несут!
Я чую тайну: есть приметы,
Но угадать мне не дано.
И в толкованьях нет ответа,
И в собственной душе темно...
Я мучаюсь, но дух над бездной
Сознанья моего парит,
И носится, и в корень зрит,
И верует: не бесполезно!

* * *

Я исчерпала собственные сны:
Нагруженные тайнами корветы
Уплыли в явь и тишину рассветов,
И реки подсознания чисты.

Я исчерпала знание о том,
Чего на самом деле нет в помине:
Все, что я знала, было только Имя –
Холодный воздух обожженным ртом...

Я погасила памяти пожар,
Обманутая опытом столетий,
Я здесь спросила – мне не здесь ответят...
И внятен стал мне жизни темный дар.

* * *

Целую твоїй голос, разлитый до утренних зорь,
В нем плач и любовь в покаянной молитве
ликуют,
И я так легко, так светло, так бесстрашно
целую,
И боль затихает, твоя неутешная боль.

Какие столетья за нами стоят, как мосты,
И держатся за руки столько царей и пророков!
Никто не спасен от жестоких, нездешних уроков,
Но нас от земли поднимают лишь наши кресты.

Целую тебя в бесконечной свободе любви:
Господь никогда не отнимет ладоней спасенья...
Под ветром волос монах буйным, звенящим,
осенним
Устами в уста тихой несней меня напои...

* * *

Дышало солнце над пространством вод,
Вливая жизни сумрачную память...
Кипела бездна белыми стихами,
Рождая ритм земли на даль вперед.
Частицы пла – плоть седых вершин,
Что в этот час встают передо мною,
Омыты первой родовой водою,
Которая начало всех причин.
Так постепенно, не смыкая век,
Трудились солнце, воды, ритм и тайна...
И кончилось всё страшным испытанием
И ужасом земли: се – человек...

* * *

От храмов отплывали плащаницы
Под беспощадный колокольный звон...
Сознание наше – темный зев гробницы,
В которой Бог навеки погребен.

И тьмами тем над Русью свечи тают,
Леодрами леодров голосов
Тех, кто ушел и кто еще не знает,
Что смерти нет, – звучит молитва слов.

Из недр земли так рвутся к свету зерна,
Но этот темный человеческий стон
Оплакивает Бога так покорно,
Что я боюсь: вдруг не Воскреснет Он.

* * *

Чтобы вынесло сердце
эти белые стрелы энергий,
Что влекут нашу землю
в космический третий эон,
Надо очень любить. Но поскольку
любовь мы отвергли,
Надо очень страдать –
только так и исполнишь закон.

* * *

Священный дар во мне – живая память
Вселенского единства бытия...
Над гладью океана пляшет пламя –
Последней мысли синяя ладья.

И вижу сон камней, и плач пустыни
Песчинки жара в кровь мою несет:
Жизнь через боль озвучивает Имя
Единственное, но в котором – все.

Священный дар – быть всем на этом свете:
Вселенское единство бытия...
Под синеглазым парусом бессмертья
Смогу к себе самой доплыть и я.

А может быть: явилась я оттуда –
С далеких звезд, сгоревших, ставших пылью, –
Сосуд, который сохраняет чудо,
Который просто взять с собой забыли.

Из одиноких далей мироздания
Я появилась на Земле под утро
И стала долгожданной дочкой маме,
Рождения тайну вспоминая смутно.

Росла, сажала на земле березы,
Во всем подвластна лишь земным законам.
Но взгляд всегда притягивали звезды –
Далекий свет оставленного дома.

Все чаще знала отторженья силу,
Все чаще тихо огорчала маму
И тем, что долу взгляд не опустила,
И тем, что в чудо верила упрямо.

«Ты здесь как гость!» Но где-то все такие –
Далеких жизней вечные частицы...
Пусть на земле дано нам воплотиться,
Но небо – наша тайная стихия.

* * *

И в угольках вчерашнего огня
Роз, облетевших в солнечной обиде,
Всё ж существует то, что видел я, —
Пусть нет меня, который это видел...

* * *

Из света возникает свет –
Вот, собственно, и всё...
И тёмных страхов больше нет,
И ты – спасён...

ТВОРЧЕСТВО

* * *

*До термоядерной мощи Евангелий,
Отвалившей от гроба камень,
В тёмных снах золотые ангелы
Пригубить мне давали пламень.*

* * *

*Прости меня: не успеваю Быть
В скользнувшем мимо солнечном мгновенье:
В сосуде тишины сокрыто пенье,
А Ты все не решаешься разбить...*

*Прости меня: не успеваю жить:
Стою на берегу реки и плачу
Да на свирели старенькой в придачу
О прошлом все пытаюсь ворожить...*

*Прости меня: мне не дано забыть,
Как голос мой с Твоим сливался смело...
И никогда не знать мне этой меры?!
За что не научил меня любить!*

Одиночество

* * *

Одиночество – избранныкам,
Остальным – все остальное,
Был когда-то жарким пламенем
Холод лезвия стального.

Одиночество – огонь,
Спрятанный в кинжале узеньком:
Ляжет тяжело в ладонь –
Кровь пойдет по жилам узника.

Остальным победы грезятся,
А тебе одно пророчество:
Холодит стальное лезвие –
Жадный пламень одиночества.

* * *

Не советуйте мне. От себя отрешиться
не просто.

Не давайте советов. Сама, когда надо, пойму
И примерю к себе то решение, какое по росту,
И изведу страх, окунувшись в его глубину.

Преждевременны ваши житейские выводы,
други,

И забота такая во мне не добром прорастет.
Я одна на ветру. Я одна в этом замкнутом круге,
И решение – за ним. А пока пусть и мне не везет.

Я могу продержаться и в сжатом от боли
пространстве,

Мне себя уберечь от участливых ваших тревог,
Мне себя сохранить лишь в одном, лишь в
моем постоянстве,

Не желая, чтоб кто-то мне в этой заботе помог.

Не давайте советов: разменная эта монета
Не спасает надолго. И каждый – оплатит свое...

* * *

Пока мы готовы прислушаться к зову надежды
На то, что весна переменит нам спы у рассвета,
На то, что она нас нарядит в другие одежды
И всех уведет по тропинке в зеленое лето.

Где сразу другие заботы печалить нас станут
И в этих заботах мы будем вольны и беспечны,
Где руки поднять – они небо над нами достанут,
Вокруг оглянуться – а даль-то кругом
бесконечна.

И сам ты живешь не вполроста,
вполвздоха, вполвзгляда,
А чувствуешь равным себя этим соснам и елям.
Не щель на счастье пятак – добываешь награду,
Которую сам для себя приглядел и примерил.

И миру ты нужный попутчик, надежный и верный,
И даже ошибки удачу сулят тебе скоро,
И конь твой на привязи ждет у веселой таверны,
Пока ты забылся за дружеским разговором...

Пока остается надежда на то, что случится,
Всплу можно ждать. Но все чаще бывает иначе:
И рук не поднять, и твой конь не дождется, умчится,
И все-то вполроста, вполвзгляда,
и вполнеудачи...

* * *

Усталость самого слабого в стае...
Куда мы летели полдня,
Кого настигали – теперь не узнаю:
Добыча ушла от меня.

Ни пятнышка крови, и запах растаял –
Лишь в сытых глазах блеск огня...
До следующей гонки умело скрываю
Усталость самого слабого в стае...
Они разгадали меня...

* * *

На перекрестке обморока жизнь
Сочилась ускользящей улыбкой,
И трепетанье яви – миражи
Пустыни желтой, раскаленной, зыбкой.

Правдивей сон и золотой ноет
Над водами, затянутыми тinou:
И возвращенье душу не убьет,
И явь моеї душе невыносима...

Боюсь стихов

Болезнь

Глаза как в каменном провале
Расщелин древних. Лоб как лед,
И губ потушенное пламя,
И рук надломленный полет,
И сон – один тяжелый камень –
Все отзывается стихами
В бреду – на дне подземных вод.

* * *

Я только ухо, чтобы слышать даль,
Я припадаю к ней с немым восторгом,
Все остальное я в себе отторгла:
Я – слух, и остального мне не жаль.

Я только слух среди тишины доли,
Я распростерта среди живых курганов:
Воронка, вздох, знаящая рана –
И этот слух во мне неутолим.

Мне надо слышать: корни пьют настой,
Гул рек подземных, черных и горячих...
Я слушаю, чтоб стать однажды зрячей
И различить бесстрашно голос свой.

* * *

Кружево черных кустов,
Вдох, предваряющий весть,
В снах видит каждый листок,
Будто у Бога он есть.

Брызнет зеленая ветвь,
Кружево выткав свое,
Строчку бы только пронеть,
Как эта ветка поет.

* * *

Острые локти на белый лист
И на ладонь – висок.
Как над манежем эквилибрист,
День надо мной висок.

Медленно спустится сверху вниз
День разбитых надежд,
Только и ночью мой белый лист
Светится, как манеж.

Точно работал эквилибрист:
Жизнь остуналась в смерть...
Вместе с даром дается риск:
Можно разбиться о белый лист –
Страшно, но как не петь...

* * *

Судьба и биография несхожи,
Хотя в них гулко совпадают даты...

Но люди ищут биографий строки,
Вилетая туда собственные души,
Твердят бессмертья жадные уроки,
Живую правду совести нарушив.

Все обретает вид бесстыдно-правый,
Все факты выверены слишком точно:
Задавят глыбой запоздалой славы
Живой души произительный росточек...

Все было так, но было все иначе:
Судьба и биография – два чуда:
Там человек один ночами плачет,
А здесь его на площадях забудут...

* * *

Дуэлей нет. Подлец для гения
Иначе страшен в этот век.
Дуэлей нет. И нет спасения.
И в сорок падают, как в снег,
В разглаженные эти простыни,
Не веря, что уже – не быть!
Послушайте, не слишком просто ли
Мы позволяем погубить
Недобрым словом, неприятнем
Чужой тоски, чужих тревог –
Уже не просто неприятли:
У каждого взведен курок.

Снег не намокнет кровью алою,
Не щелкнет сухо пистолет,
Но секунданты заноздалые
Потащат истину на свет.

* * *

Какие горькие дожди
На белые снега упали,
И осени уже не жди,
И нет зимы – одни печали.

И снегу пополам с дождем
Так неуютно в мире этом,
Но нынче, может быть, рожден
Тот, кого назовут поэтом.

Он в этой горькой суете
Отыщет свет, для нас незримый,
А мы с тобой проходим мимо,
Не различимы в темноте...

* * *

Я здесь ниоткуда,
Ничья, безучастна,
Лишь вечному чуду
Незримо причастна.

Едва различаю
Свое же начало,
Как лодку качает
Волна у причала.

Как ветер колышет
Послушные кроны,
Как яблоко дышит
Над склоном зеленым,

Как льются ночами
Дожди и зарницы –
Я в самом начале,
На первой странице.

* * *

Во мне спрессованы в граниты
Живые, тёплые слова...
Они лежат во мне, как плиты
Могильные, плющом увиты,
И в трещинах растёт трава...

* * *

Красная память слов,
Теркая память речи:
Помнит в себе весло
Звуки других паречий.
Жаркое ремесло –
Воли голубых погоня,
Помнит себя весло
Черной мужской ладошью.
Белая память снов –
Горькая память дара:
Помнит в себе весло
Птичьих сердец удары.
Сколько тайн унесло
За горизонты крика –
Помнит себя весло
Памятью многоликой.

* * *

Приблудились, откуда – неясно,
Два рассказа. Но я не прозаик!
Как рассказы писать – я не знаю!
Гомонят, беспокоят напрасно,
Гонят рифму – имели бы совесть!
И название за ними явилось,
И хохочут: «А если бы повесть?!»
До того я на них разозлилась –
Написала! Пусть я не прозаик,
Но как справиться с вами – я знаю.

* * *

Боюсь стихов, пришедших ниоткуда:
Через года
Сбываются. И помнить это чудо
Дано всегда.

Боюсь их страшной, затаенной власти,
Обычных слов...
Плохих сегодня – завтра настоящих –
Боюсь стихов...

* * *

Душа, перетекавшая в цветок,
И в яблоко, и в облако, – трудилась
И в сотах слова тайною струилась,
И сладко пахло мёдом между строк.

* * *

Веду гремящий вал своих стихов
И день, и ночь сквозь тесноту ущелий.
И Муза, в паре с лучшим из быков,
Не знает сна которую неделю.

Земная тяжесть неземного груза,
Когда примет в пути не разглядеть,
Но девочка встревоженная, Муза,
Не умолкая, продолжает петь.

Во лбу быка горит клеймо терпенья –
Надежды знак, спасающий в пути:
До золотого ветра вдохновенья
Быка в упряжку надо привести.

Идем сквозь мрак, предчувствия и войны,
Идем, одолевая жизни бред:
И бык упрям, и Муза беспокойна,
И в пронасть под ногой скользит сонет.

* * *

Плоть камня – это плоть тысячелетий,
Спрессованных, как Ветхого Завета
Дымящиеся книги: кровь и пламень,
И праотцы – окликну – и ответят
Тяжелыми гранитными стихами...

Спасибо, Господи!

* * *

Читаю лица встречные с листа –
Несуетливо разбираю знаки,
Все сборники открыв на Пастернаке,
Хочу постигнуть, что есть простота.

Всех замыслов, всех линий, всех причуд
Боюсь не угадать, не удивиться...
С листа читаю тайны, судьбы, лица,
И страшно, если вдруг мое прочтут...

* * *

Так потрясает собственная жизнь:
С какою силой, болью и бесстрашием
Рубилась в этой схватке рукопашной:
Иллюзии, сомненья, миражи...

* * *

И сотни колокольчиков лиловых
Умолкли сразу, на одном дыханье,
И нить жемчужная в руках распалась...
О, не признаться ни единым словом,
О, не признаться ни единым словом –
Раз суждено и в прозе жить стихами,
Не признавайся, что жива осталась,
И жемчуг раскатился – не собрать...

* * *

Как на груди могучей белой птицы,
Спала на палубе крылатой шхуны
Под парусами в голубой цветочек,
И всюду, всюду, безнадежно всюду
Был океан.

И всей земли прапамять
Могла я зачерпнуть в свои ладони
И пригубить,
Когда бы так не странно:
Такое знание даром не дают...

Но у меня была своя работа:
Я считывала с вод великий список
От века всех ушедших в это лоно:
Какие имена! На всех наречьях
Живых и мертвых! Какие имена!

На жизнь, пожалуй, хватит мне
Заботы: всех помянуть!

* * *

И дается особая власть:
Просто музыку утра услышать...
Намнаясь, заря занялась,
Тихий ветер хлеба не колышит...

Золотое зерно, затаясь,
Сохраняет бессмертия голос...
Беспощадна особая власть:
Слышать, как наливается колос.

И присутствием Духа спасен,
Мир лежит на Господней ладони,
И крылат ослепительный сон:
Через бездну летящие кони.

* * *

Свивает гнезда сонная усталость
Тысячелетней птицы. Ночь без края.
Как редко я на землю опускалась –
Такое небо кто же покидает?

Пренебрегла законами земными –
За это даже птицам нет прощенья.
Земное оставалось только имя,
И то при невнимательном прочтенье.

В земной любви я знала неба тайну,
И все, что мне даровано, – оттуда.
Но сколько силы надо в тех скитаньях,
Где каждый день заканчивался чудом.

Свивает гнезда сонная усталость,
Земные сны теснятся в изголовье...
Я здесь. Но с небом я не расставалась:
Я здесь свое далекое подобье...

* * *

Обыденная жизнь стола:
Семь ящичков, набитых смыслом,
А надо всем – две просто мысли,
Не облеченные в слова.

Двух молний золотой огонь:
Бесчувствие и озаренье...
Предвестие стихотворенья,
Ушедшего от всех погонь.

Край, пропасть, лезвие, обвал,
Истома смертного запрета...
Но вот Творец поцеловал,
И жизнь в беспомытстве пропета...

Таинственная жизнь ствола:
Арийский дух коры дубовой...
И зреет мир, засеян словом,
И лист на краешке стола.

* * *

Ночь снесла золотые яйца предчувствий –
Покатились вдоль утра...
Одно возьми и разбейся...
Не я сижу за моим столом.

Сколько людей во Вселенной, столько и звезд –
Это открытие сделала я незаметно,
С самым далеким, вселенским беседуя ветром:
Он эту новость на крыльях усталых принес.

Был он попутчик мне в дальней дороге одной:
Шла я на занах жилья через лес на рассвете,
Вдруг услышала: забились крыла за спиной –
Легкой походкой меня настигал старый ветер.

Был мне приятен его франтоватый наряд:
Эти плащи полстолетия как вышли из моды,
Я и сама одевалась из старых комодов –
Мне все равно, что об этом вокруг говорят...

Нас уводила прямая тропа через лес,
Нес он в руках инструмент – что-то вроде
валторны,
Мне поклонился: служить Вам готов я покорно...
Я до сих пор знала в мире немало чудес

И удивляться его появлению не стала,
Все-таки лучше вдвоем до жилья добрести:
В этой дороге всегда мне случалось грустить...
Странный попутчик молчал так светло и устало...

«Слушайте, ветер, позвольте
стихи Вам прочесть –
Я одинока и часто читаю прохожим,
Ну а таких необычных, на всех непохожих,
Грех унустить... Я сочла бы за счастье и честь...»

Он засмеялся, присел на еловую ветку
И приготовился слушать. Читала я час.
Слушал, как жил: не спускал с меня
пристальных глаз:
«Это стихи, – вдруг сказал, –
и сомнений в том нету».

Видела я, что он был озабочен слегка,
Молча пошли мы на занах жилища чужого...
«Я вам скажу осторожно тревожное слово...» –
Руку мою, как дыханье, коснулась рука...

«Вашу звезду посетил я, как понял, когда-то:
Сколько людей во Вселенной –
в ней столько и звезд...
Путь Ваш отмечен на ней,
но он будет не прост...»
Он замолчал и смотрел мне в глаза виновато.

* * *

Известно мне: все тайны, все миры,
Все мысли, все случайности, причуды –
Всегда одно-единственное чудо,
Один закон всей мировой игры:
Все любит, все живет, Господь повсюду.

Все движется, все мыслит, все пост,
Во всем гармонии живое пламя,
А зло, и боль, и грязь – мы это сами,
Наш прерванный к самим себе полет,
Страх плоти, обличенный небесами.

Ползком, но в небо – вот и весь удел,
Назначенный от века. Нет другого...
Все вверх стремится: дерево и слово.
Я слышала, как жаворонок пел,
И плакала от счастья неземного.

* * *

Я исследую сны своей странной
запутанной жизни,
Мне себя не вписать и не вбить
в вашу раму гвоздями—
Я крылатый изгой в своей злой
и нелюбимой отчизне,
Где умеют любить под рыдание:
«Вечная память».

* * *

В сиянье слов, в плаще весёлых роз
Проросших в плоть и кровь мою созвучий –
Подруга птиц, кузнечиков, стрекоз –
Могла ли я мечтать о доле лучшей?
Но люди в этом видели себя:
Мизерны тиражи, одета бедно –
Поверхностно, бездарно, откровенно
Не постигали тайны жития...
И в тот момент, когда людская молвь
Не тронула мне сердце, ум и душу,
Сумел Он враз преграды все разрушить –
И хлынула из недр моих любовь!

* * *

Не удалось себя продать
Так дорого, как того стою.
Но верности моим героям
И в страшном сне мне не предать.
Пусть ветхостью моих одежд
Любуется лишь старый ветер,
А в тщетности земных надежд
Одна живая: на бессмертье...
Но вещей рифмы благодать
Врачует душу без усилья:
Без рифмы – не стоять России...
Я не смогла себя продать...

* * *

Спасибо, Господи, за долю
Любить Тебя, слагать стихи,
Жить, подчиняясь Твоей воле,
И знать напор иных стихий,

За благодать земных пределов,
За страсть таинственного сна,
Где я с Тобой боролась смело,
А наяву – побеждена.

* * *

У меня больше нет ответов на вопросы,

Я не знаю, кто я...

А для обихода осталась только

партитура моего имени:

Тончайшие вибрации и аромат

звёздных окраин...

* * *

От этого хаоса, мрака, чужого
Куска на обед, от заплаток и дыр
Останется тихое вещее слово
Да крест над холмом среди древних могил...

* * *

Вхожу в золотые поля
Торжественных слов о нездешнем:
Соты жизни таинственно-нежны,
Каждым вздохом смеётся земля...
Невесомо коснулся руки
Лепесток, полный нежности рая...
Сон прервался, но, тайной играя,
Явь струилась себе вопреки...

ОСОЗНАВАЯ РОДИНУ

* * *

О этих зябких мыслей череда:
Распаханного поля ритм волнистый,
За ним реки неслышной берега,
Дуб на горе, которому лет триста,

Березовая рощица вдали –
Над ней лишь купол церкви одинокой,
А дальше, выше – ровный свет зари,
Который заливает стекла окон...

И вечен этот чуткий ритм берез,
Полей, озер и неба равной силы...
И там, где места для тебя хватило,
Там хватит муки, радости и слез.

* * *

Сколько горечи беспилля
В собственной судьбе несу.
А душа-то как Россия:
Видно с горки на версту

Ровный ряд полей закатных,
Путь железный в города:
Поезда идут туда,
А потом снесат обратно.

Все по замкнутому кругу –
Я сама себе как весть,
Наизусть могу прочесть:
Песня и молчанья трубы.

Ожидание беды,
Радости набег мятежный,
Снов безудержная нежность,
А с утра опять во льды.

Руки, голос, ровный взгляд –
Слишком трудно жизнь дается.
«Все ей просто достается», –
Приглядевшись, говорят.

Не поверю – не спасу,
Не заплачу – не осилю.
А душа-то – как Россия:
Слышно с горки за версту

Песню и молчанья трубы –
Нужная доходит весть.
И по замкнутому кругу
Вечных мук не перечеть.

* * *

Чужого горя не бывает –
Какие русские слова,
Их однозначно понимают:
Чужого горя не бывает,
У горя есть свои права.

Его разделит, и охотно,
С тобою каждый и любой,
Кто сам знал страшную работу:
Хоть раз помериться с судьбой.

Но эта истина простая
Однажды поразила слух.
Чужого горя – не бывает,
Сказал в лицо вчерашний друг.

Предательство – не поражение,
Всегда сумею устоять,
Но этих слов преобразование:
Прожить могла бы и не зная,
Что, русских слов не понимая,
Наоборот дано прочесть:
Чужого горя – не бывает,
Когда чужое горе есть.

* * *

Не суди, приятель, другого:
Сам споткнешься, и в тот же час
Бумерангом вернется слово –
Твой поспешный и злой приказ.

Неужели тебе понятна
Жизнь чужая? Чужая боль?
Не старайся и не глаголь
О чужом легко и певнятно.

Ни к чему тебе лишний стыд,
Когда сам ты, сильный и гордый,
Будешь камнем похожим сбит
Иль захлестнут петлей на горле.

Вслед тебе столько вскинут глаз,
Набормочут такого в уши!
Не суди другого сейчас
И другого потом не слушай.

* * *

Дождь без конца и без пачала,
Весь месяц небо грозное...
Все девять этажей почамн
Казались мне ковчегом Ноя.

Собаки, дети, старики –
Их сон я слышу ухом птицы,
Макулатурных книг страницы,
Надежды, тайны, небылицы,
Заботы, горести, стихи... –

Перечислять не хватит сил,
И список обернется страшным:
Стоглазой ослепленной бабней
Сквозь дождь к спасенью дом утлыл...

И не кончается дорога
В открытом бурном океане:
Мы нужного забыли много –
Ненужного на всех достанет.

Дождь без конца и без пачала,
Весь месяц небо грозное...
Все девять этажей почамн
Казались мне ковчегом Ноя...

* * *

И землю целуя ступнями босыми,
Навстречу ей слух отвержая,
Я шла но исхоженной Богом России –
Ничьей-то душе не чужая.

Все было знакомо в просторе без края,
И даль, как напев колыбельный,
Чарует меня, так, что дух замирает
На этой дороге бесцельной.

Все нивы, и ветры, и реки, и травы
Окутаны сном, как разлукой,
Все спит откровенно, светло, не лукаво:
Ни вдоха, ни крика, ни звука...

И царственный сон, как ночная прохлада,
Над каждым дыханием вьется...
Занять? Разбудить? Ну а если не надо?
Здесь сон этот жизнью зовется.

* * *

Осознавая Родину, как сон,
Течешь по перекресткам и дорогам:
Все сумрачно, все нелюдимо, строго,
И Север, Север – с четырех сторон...

Осознавая Родину, как страх,
Ложись в ее память, словно в недра,
И там, на дне ее живого бреда,
Очнешься со свечою, но внотьмах.

Осознавая Родину, как мать,
Ползешь ползком из страха, сна и боли:
Просить прощенья, полюбить, понять –
И спиешь в ее бешеном просторе.

* * *

Спит Родина моя и днём и ночью:
Сковал просторы сон богатырей –
Не песни в нём, а думы кровоточат,
А я страшусь бессонницы своей.

Москве

Вели дороги в Третий Рим,
Всегда не знающий покоя,
Столетия золотой ордою
Светились в воздухе, как нимб.

Весны черемуховый дым
Лизал вершины колоколен,
И город памятью был болен
Под этим нимбом золотым.

Он брел в веках, как пилигрим,
Он брел от Азии к Европе,
Но шли по кругу эти троны
Среди его недужных зим.

Сам для себя необозрим,
Вбирая песни-переулки,
Хранил он в памяти пикатулку,
Ключи к которой – целый мир.

И он был мне необходим,
Родством вселенским озадачив,
Я верила в его удачу –
Я возвращалась в Третий Рим.

Дионисию

Нигде я не видела столько колокольчиков, как в июне во дворе Феранонтова монастыря: огромные – они поют свою вечную песнь...

Великие молчальники Руси – испхасты – жили в этих местах. Иоасаф – один из них. С его именем связывают приглашение Дионисия для росписи собора Рождества Богородицы. И для меня фрески Дионисия и молчание Иоасафа – вещи одного порядка.

Мой рассказ – это робкая попытка пройти с художником часть его внутренней дороги к вечному.

Здесь не может быть претензий: не так молились тогда, не так говорили... Тогда и сейчас сливаются, когда речь идет о вечном произведении искусства, когда далекий художник занимает полноценное место в нашей сегодняшней жизни.

Здесь нет смещения во времени – здесь вообще нет времени.

Есть вечное создание русского художника, и наше удивление, и безмерная благодарность ему.

Лиловые колокольчики, синие,
Желтые, белые, красные:
Звоном и постуном разные –
Цветущая память России.

У поэмы несколько дыханий,
Несколько подземных гулких рек...

Здесь молчать стремился человек –
Как молчанье рассказать стихами?

Я искала точное начало,
Растворяясь в этой тишине:
Пять столетий жадно отмолчала,
Чтобы слово выросло во мне.

Цветы мне помогли понять,
Как в этом месте зреет слово:
Не колокольчики звенят,
А мы услышать их готовы.
Их звон таится только в нас –
Они молчат светло и вольно,
И нам взглянуть на них довольно,
Чтобы их песня раздалась.

Собор застыл на ладони холма,
Вылеплен белым безмолвьем:
«Только бы кончилась эта зима, –
Старец чуть слышно промолвил. –

Я панишу Дионисию сам:
Пусть приезжает в апреле,
Только бы наш собор подписал,
Только бы он мне поверил...»

Иосаф уходил в тишину –
В светлую даль этой мысли.
Я от ворот поклонилась ему:
Знала я, кто Дионисий.

Среди низких деревянных келлий,
Погребов, сараев и заборов
Эти стены белые собора
Ввысь тянулись, ликовали, пели...
Первый раз в лесистом крае этом
В камень была музыка одета.

Собор и художник навстречу
друг другу шагнули,
И каждый отметил крылатую сильную статью...
Художник: а посулы старца не обманули!
Собор: только этот и может и должен писать.

А у подножия собора
Лежали синие озера:
Из одного светило всходит –
В другое на покой уходит:

Игра, забава этих мест –
Как мяч передают ладони:
Неосторожно не уронят,
И никогда не надоеет.

Закаты потрясали новизной –
Великим был невидимый художник:
Фон напоить такой голубизной,
С которой рядом все цвета возможны.
Ни переходов резких в цвете нет,
Ни тяжести в палитре золотистой:
Звонящий, легкий, радостный, лучистый
Струился в небе не вечерний свет.

«Не цвет основа радости такой,
А свет». – Он шел вдоль озера лесного,
И в душу нисходил живой покой,
Который вытеснял молчаньем слово.

И озера таким же покоем дарили:
Этот свет, что струился с живительной силой,
Как два зеркала вечных они повторили.

Даже камни на берег волна выносила,
У которых оттенки закатного солнца...
Днишний в руке согревал мокрый камень:
Песня вечности в каждой травинке поется
И в душе у художника не затихает.

Июльского зноя звонящие стрелы
Поймал на лету и добавил в палитру.
Собор то же летнее солнце прогрело –
Теперь приступать. Но осталась молитва.

«Богородице, Дево, дай мне сил,
Чтобы славить любовь Твою.
И всегда лишь об этом Тебя просил,
И сейчас пред Тобой стою.

Дай услышать сердцем Твой тихий плач,
Тихий свет великой любви...
Чтобы сердцем был светел, и чист, и зряч...
Как на подвиг благослови».

Два года, два года играли мячом
Голубые озера,
Два года сквозь вечность уныли, как челн,
За белые стены собора.
Два лета художник стоял на лесах –
На пороге вселенной,
Два лета лазурью небесной писал
Нареченные стены.
И все, чему верил, чем жил,
Он добавил в палитру..
Звонящую кисть отложил –
Оставалась молитва.

«Богородице, Дево, дай мне сил
С чистым сердцем и дальше жить.
И всегда лишь об этом Тебя просил,
И сейчас осмелюсь просить...

Все молитвы свои я принес Тебе:
Не оставь никого в любви,
У начала неба, здесь, на земле,
Сирым, страждущим помоги.
Каждый взгляд Твой любовью в себя приму –
Чистым сердцем славил и пел...
Все молитвы принес Тебе, как умел...»
И Она улыбнулась ему.

После него осталась тишина,
Которая спасает наши души:
Я на неделю ехала – послушать,
Но до сих пор во мне звенит она.

И каждый русский станет тосковать
Об этом снеле, радостном молчанье,
В котором свет любви затмил печали:
Ноасаф пытается почамн
Услышать этот свет и замолчать...

И долго, молча, жадно смотрит вслед
Тому, кто душу русскую возвысил:
«Любовь – душе другой дороги нет...»
Последним словом было: «Дионисий».

1985 год

ГОСТЬ

* * *

И лишая себя покоя,
Я гостям открываю дверь.
Я-то видела: эти трое
До утра не уйдут теперь.

За окном бесновалась вьюга,
И от света ее темно,
И, не узнавшие друг другом,
Эти трое были – одно.

Чистый стол и по кругу чаша,
И велят мне стихи прочесть...
Сердцу стало светло и странно:
Эти трое мне были – весть.

Я читала, не поднимая
Глаз от белых, жарких страниц,
И молчали трое, внимая
Шуму крыльев далеких птиц.

В каждой строчке неба приметы
Ощущала своей виной,
Но молчали трое об этом –
Пара крыл за каждой синной.

За окном сатанела выюга,
И от света ее темно,
И, не узнавшие друг другом,
Эти трое были одно.

От порога кивнули дружно,
И сочла я это за честь.
Им самим-то и знать не нужно,
Что они приносили весть...

Вокзал

Вокзал еще не раз опустошит,
Подскажет выход в суете и страхе.
Но все его перроны – те же плахи,
Приговорен где будешь и забыт.

Лукавый, разноликий чародей,
К которому кидаемся спасаться,
С собою размишутся и расстаться...
И сто дорог. И все. Как у людей.

Полустанки России

Курьерский подлетел, что было сил –
Как сильный конь опомнился над кручей.
«Стоим минуту», – кто-то возвестил.
Я, долгим ожиданием измучен,

Вошел в веселый повенький вагон.
Свою повинность отбыла минута –
Звездой прощальной заглянул перрон
В зеркальный мир дорожного уюта.

Пошло греметь – летели сквозь мосты,
В реке тонули отблески вагонов,
И где-то у бесчисленной версты,
После подъемов, спусков, перегонов

Курьерский встал всей мощью молодой.
«Стоим минуту», – кто-то почь встревожил,
Мир за окном был освещен звездой –
Другой фонарь был здесь и не положен.

Курьерский мчал, не потеряв в пути
Ни одного из пассажиров сонных.
«Стоим минуту» – как же тут сойти:
Черно в ночи и дали заоконной.

Звезда для нас давно не этот свет,
Который к дому нас во тьме приводит.
Курьерский мчался вечности вослед...
«Стоим минуту» – входят. Не выходят.

Странный гость

...И ответ вечности в глазах,
И лик отмечен чувством меры...
Но как же я забыть сумела
О том, что он хотел сказать?

Я помню перстень, помню трость,
Крылатых плеч литую силу...
Но что хотел мой странный гость?
Я даже имя не спросила.

Пальто из твида, и Буре
Он дважды вынул из кармана,
И мне не показалось странным,
Что приходил он на заре...

Теперь спасения не знать:
Я буду вспоминать почками,
О чем мы с ним тогда молчали
И что он мне хотел сказать...

* * *

Нине Кузнецовой

Что будет дальше – не скажу,
Страшусь удачи, это верно,
Но где-нибудь, на берегу,
Ведь существует же таверна,

Где можно встретить и тебя,
Людей других, родных и нужных,
И заказать роскошный ужин,
И рассказать вам всю себя!

Набраться сил меж старых стен,
Которые видали столько
В круговороте перемен,
Что им и с нами-то не горько...

Сидеть, густое пить вино,
Смотреть в глаза, любя друг друга, –
Ведь есть же за цветущим лугом
Таверна эта все равно!

* * *

Нет никого: ни близких и ни дальних,
Ни долгожданных, ни давно забытых,
А в доме, как в палате госпитальной,
Все стекла до прозрачности отмыты.

Стой у окна, смотри в глаза прохожим,
Которые всегда проходят мимо,
И тот, кто был обещан и положен,
Глаз не подняв, проходит вместе с ними.

Не различить его в толпе бескрылой –
Мой гость и сам к себе путей не знает...
До синевы небес окно отмыла –
Лишь птицы в дом бесстрашно залетают.

* * *

Вечно не устану верить:
Постучится дальний гость.
Знаю наизусть в апреле
Каждый час – уж так ждалось!
Безымянный. Ниоткуда,
Сам ни свой, ни мой, ничей –
Просто гость – живое чудо
Из холодных злых ночей,
С поездов, с перронов гулких,
С неба, с моря, из разлук,
Из забытых переулков,
Где не ходят на прогулки,
Человек случится вдруг!
Знаю наизусть в апреле
Каждый час. Ведь я сама
По почам искала двери,
Чтобы не сойти с ума.
Все приметы мне знакомы:
По апрелю в злых ночах
Я бродила возле дома,
Я сама была – ничья!
Но ни одного порога
Не смогла переступить...
Знала я одну тревогу:
Гостя приведет дорога –
Кто-то должен дверь открыть!

* * *

Еле заметный ущерб
Полной Луны и восторг...
Так остаются ни с чем:
Все алтари на Восток,
Вся тишина – впереди,
Книги написаны, ночь...
И не дано убедить
Тех, кому можешь помочь.

* * *

Проступает голос, лик ли,
Чей-то вздох или чей-то взгляд...
Торопись, спеша, оклики —
Он опять уйдет назад.

Не узнаешь и не спросишь,
И, родством не подарив,
Он тебя навечно бросит,
К пустоте приговорит.

Торопись, спеша — на грани
Проявления лик его...
Не бойшься, что обманет,
Что там нету никого?

СНЫ

* * *

Удобрение собственных снов,
Где растёт золотая трава огорчений, –
Это я, очевидно?!
    Как странно себя не узнать...

* * *

Сто подков в ночи – как одна –
Обрывают дороги струны,
Свет серебряный ночи лунной
Расплескав, как ковном, до дна.

Сто подков в ночи – не уйти –
Настигают в бреду погони,
Темный страх остудил ладони,
И Луне уже не взойти.

Сто подков в ночи – злой озноб,
Подступающий тайно к сердцу...
Сто ключей запирают дверцу
Неразгаданных древних слов.

* * *

Сны улывали в сумраке метели,
И оставались только отголоски.
Решала утром: верить или не верить, —
У двух дорог на вечном перекрестке
Стояла, выбирая путь короче,
Но знала точно: далеко отсюда
Все совпадет — и предсказанья ночи,
И утра наступающее чудо.

* * *

Мгновенье на пороге дня,
Когда нить сна тонка на оцунь,
Когда рассвет, дома обняв,
Лучами согревает площадь
И чье-то горькое окно
Погасит свет, задвинет шторы...
Афишу старого кино
Уныло ветер рвет с забора,
И тумб белеющих бока
Стыдливо опустили взоры,
И матадор пронзил быка
Под бешеный восторг синьоров,
И в этот самый сонный миг
Умрет в Париже жалкий нищий –
Лишенный разума старик...
Карманы ветер зло обыщет.
Все в этот миг объять дано:
Ты – часть всеобщих пробуждений,
Твое в ночи горит окно,
Ты рухнул с ревом на арене,
Старик тебе был младший брат.
И на афишах твое имя,
Ты ветер, ты поток оград –
Ничто тебя во сне не минет.

Сны – призраки тех кораблей,
Что снят на дне после крушений,
Сны – вснышки солнц и озарений,
Повадки вымерших зверей.
Сны – наша явь в другой дали,
Мгновенье вечности всепильной,
И с первым проблеском зари
Мы смотрим в мир с таким усиьем.

* * *

А я в глухих почках всегда одна
Отталкиваю лодку свидений –
Весло воды прозрачной не заденет,
Дорогу знает каждая волна.

Плыву к тебе, все паруса сложив, –
Нет ветра в этом сонном океане,
Но свет звезды в дороге не обманет:
Всю ночь искрится, теплится, дрожит.

Плыву всю ночь, но близится рассвет –
Я в этот час должна проснуться дома...
И океан всегда такой огромный,
И перенять его надежды нет...

* * *

Я всегда была чьим-то сном
И мечтой крылатой и сильной...
Наяву тонула – весло
Протянув, меня не спасли бы.

Из последних сил выплывать
Приходилось самой со дна мне...
Обо мне умели мечтать –
Я прошла счастливыми снами.

Я всегда была чьим-то сном...

* * *

Валокординовые сны
В начале марта. В них все просто:
В них нет дыхания весны,
Они – обычный знак вопроса.

В них лестницы ведут в провал,
Там нет конца и нет начала,
Ты в них кого-то страстно звал –
Тебе безмолвье отвечало.

В них реку переплыть не мог,
Хотя она не шире шага,
Искал понять смысл важных строк,
Но вспыхнула в руках бумага...

Ты в них гоним, как старый нес,
Искать пристанища, приюта,
И в них решается вопрос:
Проснешься ты сегодня утром?..

* * *

Сегодня будет новость о далёком:
Среди берёз молоденьких и лии
Вдруг ладаном запахло – эвкалипт
Шагнул к крыльцу..

И тёплым рыжим боком
Австралии священный материк
Выливает в сон, как новая эпоха..

* * *

Сплю. Во мне медвежонком коала
Переворачивается материк...
Глажу тёплый бок Нового Южного Уэльса:
Сиди, Австралия.
Это не я – это ты видишь меня во сне.

НОЧЬ ЛЕГЛА У ПОРОГА

* * *

Знак римской цифры тащит с нами бремя
Строки, рожденья, тайны и потерь...
Далекий вестник скачет -- ногу в стремя,
Часы -- распахнутая в вечность дверь.

Мой циферблат как мир средневековья:
Готические замки, звон мечей
И время, убывающее кровью
Под взглядами бесстрастных палачей.

Проходит вечность по земному кругу
На площади, лежащей на руке,
Готовая бесстрашно на услугу
Рождению, смерти, тайне и строке.

* * *

Однажды настигает, как потеря –
Все уже было: этот светлый день,
Слова, которым обреченно верю,
Деревьев наземь сброшенная тень...

Чужая память настигает страшно,
Иль кто-то дальний прожил за меня,
А я сегодня – чей-то день вчерашний,
И ничего уже не поменять.

* * *

Да перетекает в *Нет*, *Нет* перетекает в *Да*:
По-нному, если жив, – не бывает:
Жизнь то мёртвая вода, то – живая.

* * *

Воспоминания становятся снами,
Вырастают, живут отдельно...
Все, что было когда-то с нами,
Разве было на самом деле?

Сколько встреч и робких признаний
Мы внутри себя проглядели...
Все, что было когда-то с нами,
Разве было на самом деле?

Даль звенит, как песня поется:
Шаг шагнешь — пропадешь в метели...
Все, что в памяти остается,
Разве было на самом деле?

Шмель гудит обреченным басом,
Жадный полдень свет проливает...
И душа до сих пор согласна
Помнить все, о чем забывают.

* * *

День был как вечер – серый. Улиц ряд
Был укорочен. Правда, номер дома
Последнего существовал – я знаю...
Я шла туда, пути не разбирая:
Поток чугунных, крашенных оград
Струился слева гаммою знакомой,
А справа в небо уходил собор –
Век скоро минет, как он заколочен...
Все было так, как прежде, – шла домой,
И все мои заботы шли за мной:
Ворчливый их, докучный разговор
Цеплялся за деревья у обочин.

Лишь полдень минул, но вершина дня
Скорее походила на рассказы,
В которых нет героев и сюжет
Отсутствует, и воздуха в них нет,
И все слова, как дальняя родня,
Стекаются в единственную фразу
О том, что жизнь прожить... О Боже мой,
Все было тускло, ненадежно, серо:
Сгущалась серым дымом даль пути –
Казалось мне, что еще век идти,
И улица лежала, как больной,
Закинув руки за ограду сквера.

Вдруг появились тени и огни.
Я поискала взглядом дом – напрасно:
Мир все сужался, как бредовый сон, –
Метнулись тени с четырех сторон,
И чей-то голос, сильный, как магнит,
Позвал меня отчаянно и властно.
Он призывал с невыносимой тоской,
С надеждою, смятением и тревогой...
«Чего хотите?» – крикнула туда,
Откуда мне мерещилась беда,
И страх, как переулочек воровской,
Загородил привычную дорогу.
Шел серый день, но будто бы не здесь.
Как псы, машины вдалеке ворчали,
А я стояла и ждала беды,
И сердце опускалось, как во льды,
Но мир послал спасительную весть:
Мальчишки, гол забив, «ура» кричали.

Я оглянулась: мир был узнаваем,
И дом спешил навстречу ярким светом...
Рассеялся мой страх, как наважденье:
Я даже испытала сожаленье,
Что окрик мой не получил ответа.
Кто звал так властно – и сейчас не знаю.

* * *

Я здесь одна... Так в вечности гостят,
Но чьи шаги опять по коридору?
Ненужных страхов стены не простят,
И каждый раз взгляд опускаю долу...

А белых роз нездешний аромат
Как хор трагедии звучит за шторой..
Кто в синей чашке мне подвинул яд,
И чьи шаги опять по коридору...

Ворвался в зеркала глубинный свет,
Но за синной вселенский темный шорох..
Я здесь одна... Меня здесь просто нет... –
Крылатый вещный шаг по коридору.

Взгляд в окна

Под каждой липой груды веток черных,
Что постригали целый день вчера...
Не хворост ли для древнего костра?
Не ведьмы ли застыли пенокорно,

Обрубками ветвей произая даль?
И каждый ствол как крик перед расплатой,
И каждая, наверно, виновата,
И каждую мне бесконечно жаль...

Откуда вдруг явился этот бред,
Когда за окнами машины мчатся,
Когда деревьям время распускаться?..
Но окна ослепил лиловый свет...

* * *

Всё боишься отпустить перила
Собственной судьбе да вопреки...
Сколько этой лестницей входила,
Не решаясь оторвать руки.
Подниматься надо мерным шагом
И ладонями беречь огонь,
Чтобы с этим крошечным, но флагом
Устоять под натиском погонь...
На судьбу решаешься без страха,
А иначе и надежды нет...
Лестница и впереди расплата
За мерцающий в ладонях свет.

* * *

И меньшее из всех моих открытий:
Мысль (у которой плен мой неизбежен) –
Первопричина всех моих событий...
Страхитесь мыслить суетно, небрежно.

* * *

Луны замороженный стылый свет,
Скользящий в тишине среди деревьев.
И ты сама как древнее поверье,
Которому начала в мире нет.

И тянется невидимая нить,
И ткет в тебе замороженность мига,
И ты открыт для вечности, как книга,
На той странице, что не повторить...

* * *

Странные тайны состарились вдруг,
Стали ненужными и неопасными:
Нежного имени пламенный звук –
Чередование гласных с согласными.

Все отлетело: прощанья слова
Не успевали покрыться печалью...
Люди как страны, и я там была
Коротко, пристально и изначально.

Старые тайны забытых имен,
Тайные знаки нездешних наречий –
Кто на забвение обречен,
А кто еще позовет на встречу.

* * *

Все утраты дарованы на века,
Что же память – как сильная, чуткая птица...
За пригорком туманы, за ними река –
Правый берег белест песчаной границей,
За которую страшно и нужно лететь –
Вдруг отыщется то, чему нету возврата...
Но тревожная птица вернулась обратно,
Принялась свою песню протяжную петь:
И нашла – да не то, и видала как будто
Тех, кого не вернуть с этой дальней дороги...
Занимается серое хмурое утро –
За пригорком туманы и берег пологий.

* * *

Просто ушли вперед
Те, кого с нами нет...
Будет и наш черед:
Вспыхнет нездешний свет
И опалит огнем,
Нам возвращая нас...
Сами себя найдем
В смерти священный час.

* * *

Жизнь – это коротко, как вдох,
И убедительно, как выстрел:
Печально, непонятно, быстро,
И первый блин – её итог...

* * *

Сосуды времени разбавлены водой..
Я видела, как наполняли чаши:
Водопроводной, с хлоркой, здешней, нашей –
Не мёртвой явно, но и не живой...

* * *

В плену у ночи ожидая дня,
Я выбирала трудный путь молитвы:
«О Господи, ты слышишь ли меня?..»
И сердце вещей тишиной палито,
И каждый звук приходит не извне,
И в каждом звуке тишина без края,
И небо тот ответ мне посылает,
Который в этот час доступен мне...

* * *

Сто одиночеств разных, но моих,
Непонятых, тревожных и печальных,
Являются из тьмы смертельно дальней,
А стол я накрывала на двоих...

И плеск в прихожей их священных крыл
Как шум оркестра перед первой нотой,
Зуд ичел, цалующих пустые соты:
Сейчас он грянет, тайной жизни шир...

И я в душе благословляю всех
Моих поводырей в скитаньях вечных —
Теперь, когда свободна, не отречься:
В ста зеркалах идет вчерашний снег...

* * *

Тяжелое небо от наших молитв,
От наших признаний бесстрастно-унылых,
И день, как кувшин, серым светом налит,
И кажется, завтра уже наступило,

Где так же бормочут дожди каждый час,
Где небо давно ко всему равнодушно,
Где сам для себя ты надежды не спас,
Где слово неточно и радость бездунна...

И только закаты веселым огнем
Еще обещают покой перед бурей...
Кувшин опрокинем и жадно дождем
И серую влагу, как вечность, пригубим.

* * *

Все пути нарисованных карт
Принесли неудачу...
Я не знаю, кто я в золотых закромах
у Вселенной...
Затаённым клубочком в лучах
огорчённой звезды
Притаилась и плачу...
Все пути нарисованных карт –
Просто старые чёрные стены...

* * *

Незнание – пространство перед тем,
Уже свершившимся, прошедшим, вечным:
Еще незряч, беспомощен и нем,
А все давно случилось – не отречься.

Незнание – та солнечная нить,
Как лезвие, цалующее в спину:
Так хлещет завтра – не остановить,
А ты вчера, безумец, не покинул.

* * *

А день kloшлся сумрачно к закату,
Нам разменяв заботы и труды
И отсчитав себе такую плату,
Чтоб утро снова начали с нужды.

* * *

Потеряли память циферблаты,
Все часы измучены покоем,
Время – старый рыцарь в звонких латах –
Бросило меня на поле боя.

Падали бескрылые минуты,
Убивая насмерть ожиданием,
Время шло, земные сбросив путы,
Имена, приметы и названия.

Гул неясный жарким камнепадом
Заполнял вселенские пределы,
Ночи разверзались белым адом:
Вечность по утрам в зрачки глядела.

Время, собирая дань расплаты,
Лишь за то, что с ним была беспечна,
Умертвило память циферблатов,
Каждый миг преображая в вечность.

* * *

«Дедушка, труднее быть добрым
или злым?»

(Из разговора)

«Добро и зло... Да кто их в мире видел –
Все это древний сон больной планеты...
Я знал любовь, но я и ненавидел,
И разделить в себе не в силах это».

Старик умолк. Две пары детских глаз
Следили за лицом его печальным.
Правдив, как сказка, был его рассказ,
Как жизнь обыденная – полон тайны.

«Земля дышала мощью молодой,
Цвела двадцатую весну от силы,
Молоденькое солнце заходило
И вечер уводило за собой.

И гордый луч веселого заката
Светил на всей земле одной семье:
Отец и мать и сыновья – два брата...
Так, если б дом один стоял в селе

И не было ни деревень, ни башен,
Ни тесных площадей, ни городов,

И были мы одни в округе нашей,
А день наш тяжких полон был трудов...»

Дед замолчал. Глаза играли силой,
Он далеко искал слова для нас...
Над краем леса солнце заходило,
Неяркий луч у нас в окне погас,

Царапнул, как котенок лапой мягкой,
И поигрался. Лесом сумрак шел
И очертания стирал украдкой...
Мы представляли слишком хорошо

Двух братьев где-то на краю заката,
Молоденькое солнце и покой...
И дед махнул в их сторону рукой
И продолжал: «Два дружных жили брата.

Был Авель всем хорош, и это так,
Но знать о жизни не хотел он много.
А Каин был как наш сосед-чужак:
В глаза помотришь – в них всегда тревога...

Все песню петь – а Каин замолчит,
Смеяться – один Каин недоволен:
Как будто бы в себе бывал неволен...
Он на закате провожал лучи,

И Авель, безмятежен и спокоен,
Пытался его счастьем научить,
Но каждый счастья своего достоин...
Был солнцу молодому Авель рад,

Нас стадо в поле – радовался тоже...
Одно его когда и растревожит,
Что хмур и озабочен старший брат.
А Канн слушал мир, слушал себя

И в этой музыке не знал созвучий...
Он ждал, что кто-то и его научит
Понять, что дан в награду жизни свет,
Что счастлив человек под небом этим...

Но Авель ему песнею ответит,
В которой Канну надежды нет.
«Чего хотел он, как вам рассказать?»
Старик смотрел на нас почти устало...

«Я думаю, что он хотел немало», –
Пытался деду брат мой подсказать.
«Вот-вот, немало... Дерзкий человек,
Боялся он своей великой силы...

А солнце, не старея, приходило –
Шел от рожденья самый первый век.

В пустыне как-то Кани повстречал
Прохожего. Они разговорились,

На все вопросы путник отвечал,
И с новой силой Кани открылись
И горьких мыслей бесконечный плен,
И всех сомнений тайные тревоги...

И путник тот, любитель перемен,
Как в темноте, толкнул его к дороге,
Которую тот мог бы избежать,
Когда бы знал, отдаст какую плату...

Но знать вперед – как от судьбы бежать
Иль каяться, когда не виноваты...»
Дед замолчал. К окошку бородой,
Как этот путник странный, ночь прильнула,

И небо не украшено звездой,
И эта сказка – будто обманула
Или обманет. Знали мы теперь,
Что доброго конца нам не дождаться...

Но сказке надо было продолжаться,
И дед прикрыл распахнутую дверь,
Вздыхнул: «Конец там был неинтересен:
Себя не помня, Кани зло свершил,

И Авель не донел счастливых песен...
А Кани еще долго-долго жил...
Земля старела, солнце остывало,
Народ бурлил на тесных площадях...

И было в мире и добра немало,
И было зло. Кого же пощадят
Под этим небом? Да и как иначе:
Несовершенен человек во всем...
Сейчас еще в пустыне Кани плачет,
И мы его прощеньем не спасем».

Молчал старик, смотрел на нас украдкой,
И ночь гасила синие глаза...
И жизнь являлась сказкой самой сладкой,
Хотя не все понятно рассказал...

БОЙ И СЕЙЧАС ИДЕТ

* * *

В снах погони навея пугающей –
Загостилась в чужих пределах.
Через даль веков наступающей
Всадник, в очи твои глядела!

Мне спасения не даровано:
Вечно слышать погони ярость...
Расплескала тишину подковами
И умчался. А я осталась.

Что назначено – то исполнится,
Пусть в далеких чужих пределах...
До сих пор не могу опомниться:
Среди сна наступает конница –
Всадник, в очи твои глядела!

* * *

Конь-язь – имеющий коня –
В роду у нас сильнее всех:
Ему дары несет родня,
Все жертвы – за его успех.

Он горд, бесстрашен и лукав,
В его дому всегда огонь,
Решает он – всегда он прав,
Ведь у него есть сильный конь.

Не Бог дарует эту власть –
Он сам себе добыл коня..
Имеющий коня – наш князь,
И это он увез меня.

* * *

В стихах – призывный клич трубы,
И бой, и кровь рекой,
Конь, встать готовый на дыбы,
Удержанный рукой.

Кинжалов узеньких лучи,
Нацеленные в грудь,
И музыка погонь в ночи,
Не разбирая путь...

Нет вымысла в стихах – клянусь:
Бой и сейчас идет.
Я знаю: мертвым конь надет,
Но я живой вернусь.

* * *

Здесь под каждым камнем снят спокойно:
В каждом доме дети хлеба просят,
Значит, хлеба этого достойны,
Русь в несчастье и нужде не бросят...

* * *

О, с этими стихами сладу нету:
Я дважды умирала в рукопашной,
Давала князю мудрые советы
И вороном взлетала с дальней башни.

Рать собирала, бабою вопила,
Звенела колокольней в поднебесье...
Себя из плена выкупить забыла –
Сдирают душу в кровь такие песни.

Оплакивала, мстила и прощала,
Звенела песней горькой и высокой,
Тревожной птицей Сирином вещала –
Даруют силу жить такие строки.

Русь спит гнедой усталую кобылой –
Все кончено, стихи еще дымятся...
А я сижу у князя над могилой:
Уйти нет сил. И время возвращаться.

* * *

Священное безумие войны –
Все это в прошлом, словно сказки детства.
Земле о том напомнят только сны.
Растрчено священное наследство
Отваги, чести, мужества в бою –
Иные брани властвуют над миром,
И у войны бесславной нет кумиров:
Мир озверел у бездны на краю.
Не преклонят колена у знамен,
И трубы перед боем не сыграют,
Здесь даже мстью дух не обожжен –
Закрыв лицо, здесь просто убивают.
Священное безумие войны:
Атаки с песней, подвиги, погони..
Последний раз земле унасть в ладони..
Да будем этой памяти верны!

СТАРУХИ

* * *

...Откуда помню, как в январский день
Сошлись всем миром, окружили сани,
Несли гостинцы с дальних деревень
И дед смотрел веселыми глазами.
Весны дождавнись, сад он посадил...
С тех пор, как только лето начиналось,
Я к деду с бабкой в гости собиралась,
И дед, как в сказку, в сад меня водил.
Как пролетало лето той поры!
Как быстро птицы песни отпевали!
Мы разъезжались в города и дали,
И каждый увозил свои дары:
Автоновки зеленые шары,
И памяти надежней мы не знали!
Теперь ли ждать нам сказочных даров,
Когда и хаты досками забиты –
Сиротство древних брошенных дворов,
Последние хозяева зарыты.
И дед в земле. А яблоки в цвету,
И яблоки, так гулко созревая,
Летят на землю, словно в пустоту...

Спасибо бабушке, что еще живая.
Спасибо всем, кто еще топит печь
И вдаль глядит от своего порога;
Те восемь хат – навек моя тревога,
Но знаю, что не будет с ними встреч.

* * *

Ветер жадный, темно-синий,
Дождь идет давно,
Где-то посреди России
Светится окно.

Кажется, не дождь, а слезы –
Бесконечен путь,
В просветленный лик березы
Не дано взглянуть.

Мертвые дома в деревне
Как богатыри
Этой сказочной и древней
Брошенной земли.

Смерть ли это, сон ли просто,
Колдовства ли плен,
Но печальней, чем погосты,
Этот тихий тлен...

Дождь смывает все дороги,
Лишь одна трона
Нитью брошена под ноги,
Да по грудь трава...

Ветер жадный, темно-синий,
Дождь идет давно,
Где-то посреди России
Светится окно...

Три дома – три души – снят в этом поле ровном,
Как три богатыря из той былины давней,
А в изголовье дуб, могучий и огромный,
Стучит ветвями мощными о ставни.

И только шорох где чужой и незнакомый,
И только налетит косою недобрый ветер –
Дуб зашумит листвою в окна дома,
И кто-нибудь окно в ночи засветит.

И выйдет на порог усталая старуха,
И станет в ночь смотреть покорно
и бесстрастно...
Напрасно шепчет дуб в ее тугое ухо –
Ей все равно. Ей не бывает страшно.

Клюкой стуча, захлопнет дверь угрюмо
И, рот перекрестив, за печкой примостится
В слежавшемся тепле неслышно думу думать:
Лет двадцать пять ей по ночам не снится.

А утром, еще солнцу не проснуться,
С порога крикнет вдаль: «Жива ли, Дарья?
Бог не прибрал, Прасковья?» Отзовутся
Два голоса: «Как ночевала, Марья?»

* * *

Я третья из мелюшинских старух –
Нас трое в этой брошенной деревне,
Одни глаза у нас, единый слух:
Ларизы, Ольги, Феклы голос древний

О смерти просит, легкой, как рассвет,
О счастье тех, кого мы любим тихо:
Нам на земле другой заботы нет –
Давно в душе любая боль затихла...

Мы не живем – растаем в эту твердь,
И потому над нами небо выше,
И небу нам легко в глаза смотреть,
И небо все молитвы наши слышит.

Но как стать вровень среди этих двух,
Земле и небу, как они, быть верной?..
Быть третьей среди мелюшинских старух
Я не смогла бы до конца, наверно...

* * *

Все дела отложила и в пятницу эту сидела
И смотрела в окно, повторяя

молитву неслышно.

Помогала Ему. И другого не ведала дела –
Знал ли это измученный и одинокий

Всевышний?

Через тысячи лет от далекого скорбного часа
Одинокая бабка молила Отца о спасенье:

«В этот раз, если можно, минует Христа

сия чаша –

В этом правды и радости больше,

чем в скором Его Воскресенье».

* * *

На черных спинах белые углы
Простых платков – старушечья примета.
Старухи, одиночки и мудры,
Выходят к полустанкам до рассвета.

И вдоль перрона черно-белый ряд
Прямых старух с бумажными кульками
Стоит живым подобием оград,
Пока несутся поезда в тумане.

И если остановится какой –
Они несуетливо и неспешно
Нам предлагают свой товар простой:
Огурчики и первую черешню.

К обеду смех веселых молодых,
Торгующих отчаянно, нахально,
Разносит над перроном терпкий дух
Руси веселой, кочевой, вокзальной.

Но только стихнет этот шальный смех –
Старухи выйдут на перрон неспешно,
И в темный дождь, и в самый лютый снег
Протягивают первую черешню...

* * *

Старый мрамор в прожилках синих
Затаённо, неслышно светит...
Я прошла через всю Россию,
Чтобы руки такие встретить.
Чёрный мрамор в узлах столетий:
Совершенство сути и формы –
Лучший памятник на планете
На коленях лежит покорно.

* * *

«Жавороночки, прилетите к нам,
Принесите нам тепло летичко...»

Плела старуха золотую нить
Своих рассказов добрых и печальных.
Все, что могла на память подарить,
Дарила каждым словом случайным.

Плела старуха сказочный узор:
Слова дышали правдою и силой,
И зацветал давно потухший взор –
Как будто чаркой меда обносила.

Как уберечь ту золотую нить,
Которая шивает наши души,
Гармонию и правду сохранить,
Косноязычьем слова не разрушить...

«Летела пава,
среди двора пала,
перышки ломала...»

* * *

«Я выбежала! Да куда!
Как хмыл взял – и следа не видно...»
Да что за хмыл? Мне так обидно,
Что не дала себе труда
Остановить рассказ старухи
И это слово разглядеть.
Я верила: мне все успеть,
И с ней не будет нам разлуки
На целый век. Мне двадцать лет –
Ей девяносто. Вместе – малость,
Ведь мне еще сто лет осталось,
Я получу еще ответ,
Неясных, близких и тревожных
Ее речей постигну суть,
Есть время – значит, все возможно:
Потом, попозже, как-нибудь
Я в аккуратную тетрадку
Все запишу – достанет сил...
А в окнах дождик моросил,
И все вершилось по порядку:
Мне двадцать лет. Мне не успеть
Ее спросить и ей ответить,
И это слово разглядеть...
И снова в окнах дождь и ветер.

* * *

«Осип распрекрасный,
Разгадай мой сон несчастный:
Найду ли я, поймаю ли я,
Упущу ли я, потеряю ли я...»

*(Повторяя в детстве вслед
за бабушкой Анисьей эту
присказку, мы засыпали с
надеждой на чудесные сны)*

Старухе было девяносто лет.
Была в ней странность: сны ей не являлись.
И как мы этому ни удивлялись,
Она одно твердила нам в ответ:

«Раз дал Господь спасенье от напасти –
Вот и не снятся. Ведь такие страсти
Насмотришься, что к утру занеможешь,
Не только спать – и жить потом не сможешь».

«Откуда знаешь ты тогда об этом,
Раз снов не видишь?» – удивлялись хором.
И, недовольна этим разговором,
Она не снисходила до ответа.

И только раз, когда я заболела,
А бабушка почью на де мной сидела,
Тогда и рассказала давний сон –
Всю жизнь казался ей ужасным он.

Он ей приснился двадцать лет назад,
Мне было больше трех тогда немногим,
Мы шли с ней по проселочной дороге,
Без цели шли, куда глаза глядят,

Когда навстречу женщина с ребенком
Поналась нам и вдруг остановилась:
«Отдай, старуха, мне свою девочку».
И бабка в ужасе перекрестилась:

«Господь с тобой! Да что же я отвечу,
Когда вернусь? Ведь дома мать осталась...»
Но женщина в ответ ей рассмеялась,
Решительно шагнув ко мне навстречу,
Взяла меня уверенной рукой,
И прочь пошли по пыльной мы дороге...
Кричала бабка вслед: «Господь с тобой...»
И села в пыль – не удержали ноги.

И, ничего уже не понимая,
Она истонно вслед нам причитала:
«Скажи хоть, как зовут тебя, родная?»
«Я Муза», – та в ответ ей прокричала.

Вот и весь сон. Все двадцать долгих лет
Она ждала несчастья со мною...
Я и сегодня сна того не стою,
Но уйду. И бабка смотрит вслед.

Я ВЫРАСТАЮ ИЗ НАДЕЖД

* * *

*Взгляд бабочки
на меня, Ларису Патракову,
в октябре 2004 г.*

Невнятна. Тяжела. Бездомна:
Не слышит крылья за спиной.
Творцу под силу все, но – помня
О ней – любитесь он мной.

* * *

Татьяне Смирновой

Я вырастаю из надежд,
Из свидений, из иллюзий...
Но, как и ветер, являюсь к Музе.
Где с подношением, где – без...

Гол как сокол: ознобный ветер,
Но, сбросив мишуру и хлам,
Я сам себя опять не встретил:
Я Музы ветру не отдал.

Стучу ей в дверь крылом немодным
И слышу тихое: принес?..
И непонятно мне до слез:
Как не бояться быть свободным?!

* * *

Я забудок пламя голубое
Держу в ладонях, как счастливый сон,
И льется жизнь в меня со всех сторон,
И каждое дыхание – живое...
Ступней босою целовать ручьи,
Глазами целовать простор за речкой:
Жить в этот миг – и только это вечно,
И лучшему никто не научил!
Но сколько боли, суеты, тревог –
Жизнь просочилась еле слышно мимо...
Очнись! Опомнись! Дорогой! Любимый!
В тебе живая кровь Вселенной – Бог!

* * *

Течет через меня живой поток
Любви и воли золотой Вселенной...
Я зачерпнула тайну между строк –
А это – Божий смех сбивает пену
С моей души, живущей как во сне
За частоколом из обид и боли...
Но золотой поток любви и воли
Вернул мою живую душу мне.

* * *

Невняты зеленые ветры предчувствий,
Окраины снов, где гуляют бездомные кошки,
И яйца все сварены всмятку:
Торжественный завтрак знакомого пэра
Знакомых...
А жизнь? –
По ту сторону зеркала, сна, ожидания...
И крашу я ветры в другой, неизвестный
мне цвет...

* * *

Умолкли страницы рассказанной
книги желаний:
Вишневый сироп пролила
Пролетевшая черная муха...

* * *

Когда мне открылось,
                                каким поворотом ключа,
Что жизнь – это что-то другое?!.
Приехали! Здрасте!
А дальше? –
Из ближних стволов, нонпарелью,
Большим тиражом, потомкам
Наврать... как обычно...

* * *

Больно: осколки живого солнца,
В черную раму вплавлена память...
Тесно: в истории как в колодце –
Некуда падать.

Больше того, чему учит опыт,
Больше всех книг, заблуждений, истины
Точит меня синий звездный шенот:
Помнит, смеется, целует, мыслит...

Не доверяю могильным плитам
Знаний, забивших поры живого...
Память во мне – до алфавитов,
И сквозь меня тихо дышит слово.

* * *

Когда мрак мой станет как полдень,
Я, в сиянье своих лучей,
Ни одну не смогу припомнить
Из мучительных злых ночей?..

Даже неся станет светиться,
Если я ее занюю, –
Неужели я стану птицей,
Неужели мне жить в раю?

* * *

Моей души расширенная память
Не умолкала за пределом сна...
Моей души? Но я была звезда!
И мне себя не помнить — не заставить.

Я возникала из того, где НЕТ,
Где страстно, хаотически крылато
Рождался ритм, написанный на свет,
И в нем была мелодия распята.

Все, что я знала с незабвенных пор
В далеком, неизбежном заточенье,
Не вызывало ни протест, ни спор,
Как ложное, за ветхостью, ученье.

Но верить так, но мыслить, но дышать
Я больше не могла — я не умела,
Лишь незнакомка вещь — душа
Все тем же колокольчиком звенела.

Я падала в далекий темный сон,
Который начался перед рождением:
Еще не скоро будет пробуждение —
Когда коснется смерть живым крылом.

* * *

Когда мрак мой станет как полдень,
Я, в сиянье своих лучей,
Ни одну не смогу припомнить
Из мучительных злых почей?..

Даже весня станет светиться,
Если я ее занюю, –
Неужели я стану птицей,
Неужели мне жить в раю?

* * *

Моей души расширенная память
Не умолкала за пределом сна...
Моей души? Но я была звезда!
И мне себя не помнить – не заставить.

Я возникала из того, где НЕТ,
Где страстно, хаотически крылато
Рождался ритм, паницианный на свет,
И в нем была мелодия распрята.

Все, что я знала с незабвенных пор
В далеком, неизбежном заточенье,
Не вызывало ни протест, ни спор,
Как ложное, за ветхостью, ученье.

Но верить так, но мыслить, но дышать
Я больше не могла – я не умела,
Лишь незнакомка вешая – душа
Все тем же колокольчиком звенела.

Я падала в далекий темный сон,
Который начался перед рождением:
Еще не скоро будет пробужденье –
Когда коснется смерть живым крылом.

Я разрывала видимость – вуаль,
Накиннутую на кольцо разлуки.
И я была – звезда! Мне этой муки
Ни для себя, ни для других не жаль.

Я возникала из того, где НЕТ,
Где страстно, хаотически крылато
Рождался ритм, нанизанный на свет,
И в нем была мелодия распята.

Но я была – звезда! Мой след живой
Отыщет тот, кто этого захочет...
Под каменным покровом каждой ночи
Звенит мой колокольчик золотой!

ПТИЦЫ

* * *

Вся воплощенье тайны ремесла,
Она несла себя в своем паренье,
И два крыла, как будто два весла,
Как рифмы точной бег в стихотворенье,
Пространство рассекали на лету –
Под крылья небо радостно ложилось...
Дождусь весны и силу обрету –
Ведь и она не сразу научилась.

* * *

«Напишите мне маленькую
акварель: большое дерево,
и с него взлетает птичья стая». –
«Это трудно».

(Из разговора)

Мне было сказано во сне:
«Купите краски акварели».
И я, словам простым поверив,
Как верят солнцу по весне,
Искала их по всему свету:
То цены велики, то нету,
Но сон цветной тревожил странно,
И я искала неустанно.

Однажды в оччень старой лавке,
Где продавалось все на свете,
Я разглядела на прилавке
То, что могла и не заметить.

Мы торговались безуспешно –
Мне трудно верилось в удачу,
А лавочник совал поспешно
И раму старую в придачу.

И, сняв кольцо с руки – подарок,
Я расплатилась, зная точно,

Что краски мне достались даром
И лавочник мной обморочен.

Ушла, захлопнув плотно дверь,
И, снам тревожным цену зная,
С тех пор нишу я акварель,
С которой птицы улетают.

* * *

Не получилось. Птичий всплеск
Лист огласил с веселой силой...
Но акварель не выносила
Таких простых, живых чудес...

Поплыли краски по листу,
Цвета меняя ненароком,
И видно было за версту
Зачем-то синюю сороку...

За край листа, как край небес,
Летела радостная стая:
В коробку с краской ворон влез
И, не взмахнув крылом, растаял.

Плыла пустая акварель –
Все разлилось пятном холодным,
И птицы, наконец свободны,
Летят в распахнутую дверь.

* * *

Во сне впервые птица –
А ночь под Рождество,
И сон два века длится,
И птице лет под сто,

Размах крыла в полметра,
В зрачке огонь живой... –
В струе тугого ветра
Парила над Невой.

И город плыл неслышно
С бездонной высоты,
И видно, как колышет
Упругие мосты,

И прокололи шнели
Живых небес овал,
И, вдоль Невы пришпилен,
Дворец бесстрастный спал.

Трудилась в небе птица
Над темною Невой,
И освещал страницу
Зрачка огонь живой.

* * *

А если этот ворон и склевал
Глаза того, убитого за Волгой,
Которого ждала ты слишком долго,
А он вестей ни с кем не подавал...

А если и сейчас еще живет
Почти бессмертный этот ворон черный,
И ты ему несешь в ладонях зерна,
И он тебя на перекрестке ждет...

* * *

Хлопьями черной сажки
Падая на рассвете,
Черные вольные стражи
Небо поймали в сети.

Луч пробивался солнца,
Путаясь в сети черной,
Стая то вниз несется,
То вдруг замрет покорно.

Небо переплетая
Черной ажурной сетью,
В душу уходит стая –
Мне и следа не заметить.

Прямо над нашей далью
В сны, тишину, разговоры
Черной звенящей сталью
Врежется старей ворон.

* * *

Осени рассветы медью отзвонили,
Под лучом закатным серебром блистая,
Откричали птицы. Перья обронили.
И петлей прощальной захлестнуло стаю.

В стилом сером небе этот точный танец
Был исполнен горькой правды и печали,
Не было загадки и ненужной тайны –
Призрачных, бессильных, жалких обещаний.

Небо опустело. Облака остыли.
Безголосый город песню позабудет.
Клиш прорезал небо. Даль легла под крылья.
Птицы улетели. Что же с нами будет?

* * *

Олеся, я приехала. И значит,
Опять беречь тепло в доме пустом,
Опять лишь тень крыла сулит удача,
Опять кружить ночами над листом

И голосом высоким, странным, птичьим
Тревожить ночи и покой, и сон...
Олеся, я боюсь принять обличье
Кричащей птицы за твоим окном...

О, наша тяга страшная к полету,
Когда слова идут, как ветра гул –
Не отступай, крылом в ночи работай,
И ты, взлетев, за горизонт шагнул...

Олеся, без застенчивости ложной
Хочу тебе сказать, что два крыла
На этом свете обрести возможно,
Когда на том ты птицею была.

* * *

Ты думал, я уехала с вокзала,
Когда смотрел мне вслед
в тот ранний час?..
Так мало было времени у нас –
Всей тайны я тебе не рассказала...

Я не могла уехать, я осталась:
Прибилась к стае на исходе дня,
Лишь через месяц стая в путь пускалась,
Я попросила – приняли меня.

Над Соротью и над твоей дорогой
Кружили мы в осенней тишине,
Вожак и неавязчиво, и строго
Учил, как с небом обращаться мне.

Была я самой слабосильной птицей,
Не знала и простого ремесла:
Упасть с небес к ногам и не разбиться –
Себя я в небе тяжело несла.

Ты видел нас в замедленном полете,
Когда казалось – ладу в стае нет:
Одна из птиц еще на самом взлете –
Всех остальных уже зажег рассвет...

Но возвращались, обрывая песню,
И поднимали к жаркому лучу.
До крови крылья сбила в поднебесье –
Сейчас пришельцев я сама учу.

Весь месяц я была с тобою рядом,
Октябрь звенел листвою по лесам,
И ты, меня не раз касаясь взглядом,
В далекий город письма мне писал...

Ты видел нашу слаженную стаю –
От Савкиной горы ей влед смотрел,
Ты знал, что мы сегодня улетаем,
И ты опять меня не разглядел.

* * *

«Но языческий бог ответит...»
Я эту строчку вслух произнесла,
И то ли ей помог подняться ветер,
Но черных два крыла, как два весла,
Прорезали даль неба надо мною,
И птица – ступок снов и непокая,
Вся воплощенье тайны ремесла –
Мне прокричала обожженным горлом
Высокне, нездешние слова –
И полегла у ног моих трава,
И лист дубовый был, как ветром, сорван.
Кричала птица в яростной надежде,
Что я ее пойму, коль позвала,
И билась надо мною два крыла
Неотвратно, страстно, неизбежно...

ЛЮБОВЬ

* * *

*Начало космической эры –
Мне десять, щенячий восторг,
На крышах мои кавалеры
В бинокли искали «Восток».*

*Мальчишкам не верила здраво,
Я знала: сумеют соврать:
Им грезится звонкая слава,
А мне от любви умирать.*

*Мне десять. Я верю лишь слову
Таинственных книг в тишине:
Чужой отвернулась Ростова,
Но Анна бунтует во мне.*

*Мне десять. Четыре абзаца
Последних – спасенью не быть...
Под поезд не страшно бросаться –
Ведь это и значит – любить.*

*Начало космической эры,
Мы хором кричали: «Салют!»
Мальчишки летят на Венеру –
Девчонок с собой не берут.*

* * *

*Ты помнишь яблоко в руках моих?
Я откусила первая и больше...
И как бы ты свой светлый лоб ни морщил –
Уже тогда я знала за двоих.*

Теперь не умереть

* * *

А любовь – заколдованный праздник,
На который попала случайно.
Злой и дерзкий божок-проказник
Заманил обещанием тайны.

Круг зеленый от лампы справа
Должен быть не такого цвета,
Перстенечек не в той оправе
И на стенах не те портреты.

Мне бы тень себя, настоящей,
Отыскать среди всех похожих...
Но гнетет меня чье-то счастье
И заботы чьи-то тревожат.

Человек рядом знать не хочет,
Что любить меня не под силу...
Злой божок мне в лицо хохочет –
Я его не о том просила:

Круг зеленый от лампы справа
Должен быть не такого цвета,
Перстенечек не в той оправе
И на стенах не те портреты...

* * *

Сто солнц ослепших зажжено,
Расплавленный несок как пламень:
Сгоринь – дотронешься губами,
Отравит древнее вино,
В котором настоялся яд
Всех ожиданий, всех пророчеств:
Я – Азия всех одиночеств,
В моей крови огонь зачат.

В ней вечный полдень всех разлук –
Не прикасайся к коже черной:
Я сожжена и непокорна
Прохладе нареченных рук.

* * *

У эскизов, написанных маслом,
Восемь лет в плену, я заложница.
Это кажется, что неопасно
Быть женой театрального художника.

Войду, и слева, сразу у окна,
Готов к прыжку злосчастный Подколесин,
А Кочкарева где-то черти носят.
И что же тут сумею я одна?..

Пройду до кухни, встретят на пути
Два короля английских и Полоний,
И каждый мне приветствие оборонит –
Кивну им всем, боясь с ума сойти.

На робкий взгляд, на самый тихий вздох
Ответит Мышкин мне такой улыбкой,
Что день сегодняшней сочту ошибкой –
Рванусь за раму, как через порог.

Как странен мир трех этих гладких стен,
Как странен мне мой добровольный плен
И ни на что на свете не похож.
Ах леди Макбет, уберите нож...

А может быть, придумана и я
Каким-нибудь писателем хорошим,
Тобою нарисована похоже,
И это леди Макбет так тревожит,
Когда глядит с улыбкой на меня...

Я жила еще долго, но жизнь проходила за рамой,
И, во всем признавая за женщиной той
первородство,
Я была на земле пустотой и зияющей раной,
А художнику все говорили,
что не было сходства.

Совершенная рама,
старинный узор с позолотой:
Я на фоне окна, за которым осенние блики...

* * *

Поздним вечером буду стоять на балконе,
Встречать тебя, зная, что приезжаешь утром.
Кто из нас победил в этой странной погоне,
Кто из нас был мудрей – догадаться не трудно!

Мы неслись по тылам друг у друга со свистом,
Ты не верил в судьбу, я не верила в чудо...
На подмостках веселых дурные артисты,
Как мы были смешны в наших грустных
причудах.

Лес гудел нам навстречу и был озадачен,
По дороге в тавернах посуду мы били,
Ожидая от этого, каждый, удачи,
И, не глядя, по счету за праздник платили.

Мы неслись по просторам забытых столетий,
Пролетев, вспоминали события и даты,
Я гнала скакуна чистокровного плетью
И любила в себе, что я не виновата!

Предлагали приют нам фамильные склепы,
И соборы качали верхами всех шинелей...
Как мы были смешны в этой скачке нелепой,
Счет теряя в погоне и верстам, и милям.

Я конца не хотела. Мне все было мало.
Факел твой настигал – только вытяни руку!
И во сне веки ненависть мне прожигала!
Но зачем-то нужны в той погоне друг другу...

Оторваться сумела за тем поворотом,
Где, назад оглянувшись, устал от погони.
И теперь, отложив все дела и заботы,
Ждать тебя до утра на высоком балконе.

* * *

И жарких слов бесстыдство и обман,
Дарованный отчаяньем и страстью,
И весь как поле боя наш роман,
В котором мы сгорели жаждой власти.

Где каждый уступал, но шел, как в плен
(Сдаются так, не выдержав осады).
И вечное желанье перемен,
Когда менять-то ничего не надо.

Где новый день пощады не дарил
Тому, что нам с тобой дано в награду,
Где каждый слов таких наговорил,
Что отмолчать их – полстолетья надо!

Где шли через любовь, как через брод,
Лишь притворяясь, будто не спасемся.
Где все на свете знали наперед
И где теперь так просто расстанемся.

А рядом жил художник. Он во всем
Был подчинен укладу жизни нашей:
С утра ел недоваренную кашу,
В кино ходил всегда со мной вдвоем
И откликнулся, стоит крикнуть: Саша!

Он гвоздь вбивал, картонку приносил
И – странно молвить – пол мыл по субботам.
В театр ходил, поскольку там работал,
На ниво денег иногда просил,
А в праздники был нежен и заботлив.

А я ему была просто жена,
Которая – был грех – стихи писала.
А между делом то его спасала,
Поскольку знала, что ему нужна,
То жаловалась, что давно устала.

Жизнь украшали книги и цветы,
Которые он приносил с зарплаты.
Друг другу часто мы бывали рады,
Но жили в нашей комнате холсты,
На струганных подрамниках расняты.

Он часто кисть примеривал к руке
И сочинял палитру, как сонеты,
И за мольбертом стоя до рассвета,
Вдаль уплывал, как по большой реке,
И не терпел ни вдоха, ни совета.

Мне сесть бы в кухне да стихи писать,
А я прислушивалась клеткой каждой,
Как холст готовый мастихином смажет,
Готовый через час опять начать, –

Стояла за стеною, как на страже.
Молила Бога: пусть бы только раз
Свершилось чудо этого обряда –
Иного ничего было не надо.
Но холст был начат, тлел и тихо гас,
И он был нолоп гнева и досады.

А после слез, когда он уходил,
Стихи являлись. В них была тревога.
Ждала его, прикована к порогу,
Читала обмирая... Он хвалил.
И было в этом равнодушья много.

Так время шло. И чистые холсты
Стояли в ряд. Стихи мои лежали.
И все чего-то в этом доме ждали,
И столько было белой пустоты,
Что мы, как с поля боя, побежали

Искать даров, обыденных во всем,
Где каждый вечер – это просто ужин,
Где белый лист и белый холст не нужен:
Непосвященный навсегда спасен,
Непониманья святость обнаружив.

* * *

Теперь – не умереть. Все остальное
Уже случилось. Встать, ходить по дому
И знать, что я с дороги возвратилась.
И зерна в угол сыпать домовому.

Просить прощенья: загостилась очень
В таких далеких сказочных пределах,
Где вечно – утро, не бывает ночи,
Иль просто я ее не разглядела.

Там песни птиц полны чудесной силы,
Там знала я священный дар покоя...
С такой надеждой чуда я просила,
Но я его, наверное, не стою.

Так загоститься – и теперь украдкой
Дышать учиться и ходить по дому,
С надеждой ночью открывать тетрадку
И зерна в угол сыпать домовому.

Не вспомнила о нем!

* * *

Звук имени бы твоего украсть
И предъявлять на всех дорогах дальних.
О, имени пленительная власть!
Веселых нет – все имена печальны.

Когда зову (пусть и надежды нет),
Когда кричу на перекрестках в ветер
И жду обещанный в веках ответ...
И странно, если все-таки ответят,

Не различить, на оклик опоздать,
Глаз не поднять и не поверить в чудо...
Мне только имя бы твое узнать –
Украсть, подслушать, просто угадать:
Окликну, обернешься – и забуду.

* * *

Случайный человек не внял
Моей тревоге непонятной,
Вернул печальный взгляд обратно,
Словно невыпитый бокал.

Чего боялся? Ритуала?
Иль быть отравленным до срока?
Но я ему добра желала.
Как безголосая сорока

Я полетала вслед за ним,
А он спасался в переулках,
Где поздно не горят огни,
Где не выходят на прогулку.

Он думал замести следы,
Но снег там чистый и глубокий...
Как он метался одиноко,
Уже в предчувствии беды...

Он бродит в сонных переулках –
Я обрела покой и голос,
На сотни льдинок раскололась
И та зима, и та прогулка.

* * *

Вдруг в чьих-то снах, у самого рассвета,
Не ведая о том, я тоже есть?
Чужой душе обещанная весть,
На чьем-то небе дальняя комета...

Какая? О, если б только знать,
Кто волосы мои ночами гладит,
Кто смотрит за плечом в мои тетради
И хочет и не смеет диктовать...

Что отвечаю на слова любви,
Что обещаю и чему он верит?
Мне не доступен этот дальний берег –
В чужие сны не ходят корабли...

Чужой душе дарованная весть,
Вдруг я счастливой в чьих-то снах бываю?
И, несчастливой просыпаясь здесь,
Я никогда об этом не узнаю...

* * *

Заблудилась в Ваших снах:
Там живу, а здесь бываю.
Там мгновенно засыпаю –
Здесь измучилась без сна.

Заглянула сквозь овал
Зеркала в Ваш сон вчерашний,
Стало весело и страшно:
Видела, как целовал.

Не хотела уходить,
Перепутав все на свете:
Здесь и взглядом не ответить –
Там позволила любить...

Вот и мучаюсь сиолна,
На пороге Вас встречая:
То ли предлагать Вам чаю,
То ли – продолжение сна.

* * *

Воска ярого свеча
Мне подарена тобою.
Как словечка сгоряча,
Как поклона от плеча
Я таких подарков стою.
Не сумел мне угодить
Перстенечком аленьким:
Все просила не ходить,
Перстенечка не дарить –
Дорожила стареньким.
Гнать бы прочь – да не гнала:
Мучила и маяла,
Недобра к тебе была –
Перстенечка не брала –
На весь свет ославила.
А теперь свече гореть
Без единой капельки,
В пламя белое смотреть
И покаяться не сметь
Маменьке да напеньке.

* * *

Шитье смахнула – крепдешин,
Воткнула в облако иголки,
Сняла с заветной верхней полки
Молочной белизны кувшини,

Смахнула пыль, накрыла стол,
Поставила цветы, посуду,
Сорочку вышила крестом –
Повесила на спинку стула...

Часы бежали – не догнать,
Хоть стрелки как усы у кошки,
И ночь зеленая в окошках
К рассвету начала лиять...

Сорочка, вышита крестом,
Висит на гнутой спинке стула
И спит себе. И дремлет стол,
И видит в снах себя посуду...

Он не приехал... Надо жить...
Но где же облако с иголкой –
Наряд оставленный дошить?...
Кувшини... Ах Господи, осколки.

* * *

Я в комнату вошла: как парус, шторы
В открытых окнах призывали ветер;
Дышало все грядущей силой шторма,
И странно было видеть – спали дети.

Я видела, как пронеслась здесь буря,
Которая еще не начиналась,
Как смыты шквалом старые кастрюли,
Как люстра ослепленная качалась...

Я видела все разоренье дома,
В котором дети светлый сон смотрели,
И я сказала, что люблю другого...
И ты поверил...

* * *

«И как мне жить без глаз твоих,
Что глубже всех зеркал?.. –
Ни разу ты не утаил
Огонь, что в них сверкал.

И как мне жить без губ твоих,
Что горячей огня?.. –
Ни разу ты не утаил
Их жара от меня.

Как без кольца слетевших рук
Жить предлагаешь мне?.. –
Ты, разрывая этот круг,
Сгоришь в своем огне...

Глаза потухнут в тот же миг,
Иссушит губы жар:
Иссякнешь, как в стене родник...»
Но руки он разжал.

«Как станешь жить с избытком сил,
С пылающим огнем?!»
Но он взмолился: «Отпусти!» –
Не вспомнила о нем!

* * *

Я убаюкиваю сон –
Чужих Голландий дар угрюмый:
Сто кораблей скрывают в трюмах
Высокий колокольный звон,
А окиян лишь с двух сторон –
Нарисовать скорей, придумать,
И дать возможность ветру дунуть
В тугую прорву парусов...
Вы угадали пару слов
Безумных этой ночью лунной...
Гул в небесах, пустые трюмы
И похититель вещей снов,
Настойчивый и в меру юный.

* * *

«Вы способны дать человеку крылья
для того, чтобы он разбился».

(Из разговора)

Свои отдам и подстелю соломы –
Не бойся, друг.
Коль эта тяга странная знакома –
Ты сделай круг.

Внизу поставлю молодцов, и дюжих, –
Минуешь смерть,
Но твой полет, он небесам не нужен:
Тебе ли сметь

Любить меня за этот голос жаркий,
За два крыла..
Возьми, мне для тебя своих не жалко –
Я там была.

Мой голос – это флейты выдох

* * *

...И не было ни этих горьких писем;
Ни этих лет без выдоха, в которых каждый час
Был на тебя истрачен и от тебя зависим...
Пришлось в лесу стать деревом –
лишь этим я спаслась.

* * *

Вы девочки, весталки, жрицы
Священного огня,
Вам тридцать лет любви страшиться –
Примите в круг меня.

Я буду подниматься рано,
До розовой зарни,
И, приходя под своды храма,
Шептать огню: «Гори,

Гори, огонь богини Весты,
Пылай, святой очаг,
Ничьей я не была невестой,
Покой в моих очах».

Я буду подниматься первой
И у огня плясать,
Служить богине буду верно
И несен не писать.

Но если взгляд поднять случится
И встретить взгляд в ответ,
То, девочки, весталки, жрицы,
Нарушу я обет.

Огонь да ярче разгорится –
Не потушить огня...
Вам, девочки, весталки, жрицы,
Оплакивать меня.

* * *

Мой голос – это флейты выдох,
Он в ваших снах покойных, светлых.
И ожидание, и выход,
Он не кончается с рассветом.

Напрасно я его искала
В напевах труб и скрипок старых
И горло песней полоскала,
Высокой, суетной, усталой.

Напрасно обходила дали,
Еще мог меня окликнуть властно:
Не слышали и не видали –
Я продолжала жить безгласной.

Но кто-то – помнила об этом –
Мой голос настоящей знает.
В ваш сон однажды у рассвета
Вошла, от смерти вас спасая.

Наполнилось дыханье солнцем:
Мой голос вырвался на волю...
То плачет флейта, то смеется...
Я разбудила вас невольно.

* * *

Я только нынче птицей не была
И деревом, и тишиной крылатой:
Забыла все – тебя с утра ждала,
Пугаясь черных взглядов циферблата.

Я десять лет одолевала даль
От цепкого стола и до порога.
Не время шло – тащился календарь
Окольной, ненасытной дорогой.

Я пронадала в жадных зеркалах,
Страшась старинной тайны раздвоенья,
До света веселилась на балах,
Пугаясь даты своего рожденья...

Я знала душ чужие берега:
Стихи мне даровали это чудо,
Я верила, что я тебя забуду –
Поэтому, как тайну, сберегла.

Сейчас войдешь, и птицей не взлечу:
Осилю свою яростную память
И, припадая к чуткому плечу,
Сама себя бесстрашно научу
Любить тебя и с губ поить стихами.

* * *

Свет свечи, тепло от печки,
Дождь, и сад, и лес вокруг...
Мы с тобою рядом вечны,
Как великий этот круг:

Свет свечи, твоя рука,
Яблоки земного сада...
И иных наград не надо –
Эта длилась бы века.

* * *

Ушел. Еще дышали половицы
Твоим крылатым, светлым, жарким шагом,
Но с липы черным разъяренным флагом
Уже метнулись суетные птицы.

Закат ударил в ближние деревья,
Лучом последним кроны поджигая.
Ушел... И остается верить:
Жива я...

* * *

Теряю тебя, теряю, как птица
Неслышные перья в полете высоком,
Как воду родник, из которого можно напиться,
Да тропы к нему заросли сумасшедшей
осокой...

Теряю тебя в ожиданье и в снах неумелых,
Теряю... уходишь... и вслед оглянуться
не смею...

Но бьется родник, птаха, перья роняя, взлетела –
Теряю тебя и никак потерять не умею.

* * *

В разлуке, очарованные змием,
Под сенью чувственных садов земных
Мы одиноко бродим по аллеям
С приметами неслышными зимы.

Как все вокруг торжественно-незряче!
Ведь жизнь без наших двух начал – зола.
И в небе лебединый плач не спрячешь,
И для полета надо два крыла.

Нарушив вечности законы, смеем
Мы притворяться, будто мы живем...
В разлуке, очарованные змием,
И в смерти мы себя не обречем.

Куда мне с этой музыкой – обрушит
Весть этот мир непрочный, не спасет,
Иль насмерть каждой нотой захлестнет,
Или во сне, как памятью, задушит.
Закрой рояль. Ключ утопи в реке.
И будем жить, не нарушая лада...
Но знай, что если не вернусь из сада
Однажды осенью – и ждать не надо:
Кто-то играл в туманном далеке...

* * *

Любимый мой! Откуда тяжесть уз
В час золотого утра? Божьей данью
Летит в мои объятия мирозданье,
Но не поднять мне крыл священный груз.

Любимый мой! Я слышу голос муз
В беспамятстве растерзанного мира,
Но промолчит застенчивая лира:
Мешает крыл непокоренных груз.

Любимый мой! Наш радостный союз
Благословляю в светлый день печали:
Расстанемся, и песня за плечами –
Крыл светлооооких невесомый груз.

Иллюзия встреч

* * *

Как ветер, травы, звезды и рассветы,
Я слушала себя. И в той дали,
Там, где душа любовью не согрета,
Мне было слышно, как она болит.

Да что ей надо, маленькой колдунье:
Каких ей сказок только не плела,
Несла в подарок все свои раздумья,
Все помыслы, заботы и дела.

Стихи какие были ей наградой
За то, что она есть, моя душа...
О чем же ты болишь, чему не рада,
Чем тебе жизнь моя не хороша?

Любовь ушла однажды на рассвете?
Порадуйся, что этот сон прошел, –
Не помнишь: ты была на грани смерти?
«Но я жива. И мне нехорошо».

* * *

Вот он, круг моей печали,
Затаенная тревога:
Там сама себя встречаю,
Где должна встречать другого.

В зеркалах, во сне, напротив
За столом, где два бокала, –
Не звала ли? Не искала?!
Не приходит... не приходит!

Вот она, тоска живая:
Без другого нет надежды,
Что сама себя узнаю
В зеркалах в метели снежной.

* * *

Я приснилась Египтянину
Тридцать тысяч лет назад.
Был он главный жрец при храме,
Помню я его глаза:

Солнце полдня, с Нилом слитое:
В холоде крылатых век
Тайна духа, в страшной битве
Ускользнувшего от всех.

И отрекся черным словом он –
Выжег этот сон огнем,
Но ночами невеселыми
Вспомичаю я о нем...

Нить все тянется и тянется:
Тридцать тысяч лет назад
Я приснилась Египтянину:
Помнит он мои глаза...

* * *

Солнечный зайчик в моем обиходе
Завелся в день унылый и серый.
Окно открываю, а он не уходит –
Красит розовым блеклые стены.

Я от него – он все ближе и ближе,
Прячется в облаке старой шторы,
Я к зеркалу, а вокруг слышу и вижу:
Солнечный ужас и солнечный шорох,

Навстречу, из сна океанских впадин,
Мне волны катят, как молний свиток,
Такую силу любви во взгляде,
Что все зеркала во вселенной разбиты.

И я, притворяясь живой и здешней,
Сметаю осколки солнечной бури...
А он, мой нечаянный, желанный, нежный,
В складках платья меня караулит.

* * *

Все кончается тихой зрелостью:
Дар нездешний – плод золотой,
Как тревожно когда-то пелось мне,
А сейчас на душе покой.

И не то чтобы все оплачено:
Слишком много взаймы брала...
Просто деревом быть назначено –
Наконец-то я поняла.

Птицей-намятью быть завещано
На высокой сосне среди скал...
В тихой зрелости страшной женщины
Не того, дружок, некал.

О сколько тех, кому моя рука
Была наградой, тайной и поддержкой!
Но не случилось длани самодержца,
Протянутой ко мне через века.

И не узнала я живой восторг:
Открыть ладонь и оцунью, без света,
Принять как дар все тайны раритета,
Читая по складам и между строк.

И, как лучи, сто золотых перстней
Нанизывать на царственную руку,
И, самый древний завещая внуку,
Знать: жар ладоней злата горячей.

И согревать почамн на груди,
Слезамн орошать любую рану,
И целовать дорожки старых шрамов
И слышать: кровь в его вилках гудит.

О не случилось длани самодержца,
Протянутой ко мне издалека...
Вот и измучена моя рука
В ладонях тех, кому была поддержкой.

Звезда пошла, распарывая даль, –
Старинное, пленительное чудо.
Мой милый, ненаглядный государь,
Вели на кухне не греметь посудой,

Всех музыкантов обнеси вином
И отпусти хотя бы до рассвета,
Не натирают пусть твоих паркетов,
Пусть серебра не чистит эконоом.

Конюшни, псарни, птичники – запри,
Придворным накажи дышать неслышно,
И трубам не дымить на старой крыше,
И чтобы не горели фонари!

Исполни это – ведь тебе не жаль:
Я выйду загадать свое желанье.
Ах государь мой, милый государь,
Звезда пошла, распарывая даль, –
Отпразднуем веселое прощанье!

Всем трубам – петь, наркетам всем – блистать,
Придворным – льстить и кланяться с ночтеньем,
Шутам – злословить, слугам – подавать
На общий стол вино и угощенье.

Всем лодкам – плыть, всем фонарям – гореть,
Все настезь: псарни, птичники, конюшни...
На звезды больше незачем смотреть!
Ах государь, как вы всему послушны!..

* * *

Нездешней милостью венчающий,
Даруя свет волшебных рощ,
Сам золотой надмирный дождь
Омыл меня огнем спасающим.

О света дивного волна!
По мне ли солнечная доля...
Но с золотым дождем не спорят:
Не уступить я не вольна.

Помню...

Я в 12 веке

Сунруг мой не богат, но родовит,
Два сына на турнирах побеждали
И дамам сердца этим угождали,
Наш род в истории следы хранит,

Не обделен ни доблестью, ни славой.
Служили честно, преданно вассалы –
Наш замок был прибежищем для них.
Шел век двенадцатый. Стояли дни

Погожие, и я смотрела
Из своего окна на мокрый двор,
Дивилась слишком теплomu апрелю
И слушала крикливый разговор
Служапок бойких. А в соседней зале
Два сына упражнялись – фехтовали.

Шел век двенадцатый. Апрель дышал
Теплом таким же. И капель звенела,
И та моя далекая дуна
В предчувствии весны помолодела,

И распрямился тонкий юный стан,
И солнца луч играл на синей шали:
Скользнул к лицу и замер у плеча –
Как рыцари все это замечали:
Вошел супруг, поцеловал в уста,
Смотрел влюбленно, а в соседней зале
Два сына упражнялись – фехтовали...

* * *

В гостинице, где только десять мест,
Которой завтра пять столетий минет,
Хозяйке нас встречать не надоест:
Резное кресло старое подвинет

К огню, все номера переберет
И перечислит всех, давно почивших,
Гостиницу присутствием почтивших,
И только про Людовика соврет...

Достанет связку старую ключей
И поведет по лестнице дубовой,
И свет живых, оплавленных свечей
Мигнет нам на прощанье из столовой.

Вот комната с окном до потолка,
Из кинарпса сложены напелли,
Портреты в тонкой сети наука
И серебром окованные двери.

Уложим вещи в розовый комод
И в зеркалах бездонных взгляд поймаем,
А вот и черный двухсотлетний кот
Готическую спину выгибает.

Все так, как не мечталось никогда:
Тяжелые портьеры пахнут пылью,
В кувшине медном свежая вода –
И тишина: нас здесь на век забыли.

Далекий колоколец знак подаст,
Когда в столовой стол накроют чинно:
Здесь не приступят к трапезе без нас,
И в этот день отменны будут вина,

Салфетки, вышитые на века,
Каминна ровный жар и дух дубовый,
И рядом твоя тихая рука
И тихое обеденное слово.

А на стене раснятый светлый Лик
И бой часов – все вечности приметы...
И длится день – бессмертен и велик –
В гостинице, где постояльцев нету.

* * *

Я крик неумершей души
Монаха-черноризца,
Огонь, который потушить
И ангел не решится.

Я – ночь, сожженная огнем,
Омытая молитвой, –
Всего-то было: чай вдвоем,
А странно поле битвы.

Последний сон его надежд
На здешнее, земное.
Я черный плач его одежд:
Я этого – не стою.

* * *

Прозрачные крылья встревоженной бабочки,
Которая вчера была пылью
На золотой лорнетке твоего сна,
Стекло разбилась о что-то неназываемое,
Нанизанное, как бусы, на шелковый
спурочек жизни...

Ты помнишь?.. Ты была рядом
С твоим ожиданием моей мелодии.
Я часто слышал этот оркестр,
Где одна фальшивая нота и была правдой...
Стекло крылья,
Шелковый спурочек...
Ты помнишь?..
О, твой оркестр, в котором от меня
Только запах канифоли...
Мы и сейчас рядом...
Ты помнишь?

*17 марта 2004 г.
г. Москва*

Маленькая поэма

I

...Любовь не выбирает дня –
Обрушивает наземь камни,
Которые молчат веками,
Чтобы окликнуть так меня.

Мы настигаемы врасплох
Глухим молчаньем перед бурей:
Она нас страшно караулит
Мучительным биеньем строк...

Мы каждый вечер в час покоя
Сидели рядом у камина,
А за окном дождя лавина,
Казалось, даже сосны смочет.

Казалось, сотни старых лодок
Уже отбило от причалов,
И только дом, где мы молчали,
Еще боролся с непогодой...

В моих тетрадах нет живого места:
Как стаи птиц, стихи в черновиках
Волнуются, торопятся, кричат –
Им в этом небе просто слишком тесно.
Перелетают в новые тетради,
И мне бывает трудно с ними сладить.

И у него была своя тетрадь:
Мир белый, пелинованный и ровный,
Писал он в ней, как будто сеял зерна,
И каждое на ощупь отыскать
Могла рука, во всем ему покорна...

Неделя проходила за неделей:
Друг другу мы с утра в глаза глядели –
Я шла к своим стихам – взлетали стаи,
А он в своих все зерна рассыпает.
Боялись слов, боялись и молчанья.
И песня затаилась за плечами.

II

Мы молчали с такою силой,
Что слова утратили память,
Свое имя назвать просили,
Безымянными не оставить.

Угадать их суть ненароком
Стало нашей мукой и тайной...
Миновали земные сроки
Отведенного нам молчанья...

И впотьмах, вслепую, на ощупь
Слово выросло из молчанья
В свете крон облетевшей рощи
В вечность вылитыми ночами.

III

Как только слово нам под силу стало,
Я убедилась: самое начало
Того, что совершалось здесь, сейчас,
Терялось в той дали, где нет предела.
Не небо ли соединило нас?

Впервые небу я в глаза глядела...
И даже осень повернула вспять:
И кончились дожди, и травы снова
Неслышно стали силу набирать...
Всеми виной единственное слово,

В котором все сходилось: знаки снов,
За много лет написанные строки,

Все даты, тайны, вымыслы, итоги,
И Блок, и недоступный Соловьев...

Как в темном небе точный путь светила,
Орбиту нашей встречи проследила,
Где в совпаденье, в музыке примет
Ни мистики, ни даже чуда нет...

Предчувствуя тебя за много лет
В словах, которых я еще не знала,
На жадных площадях и на вокзалах,
В неясных снах, в которых тайны нет,

Лишь надо научиться их прочесть –
Предчувствуя тебя с такою силой,
И небо о тебе я не просила:
Я знала, что любовь не свете есть!

Так жизни зарождаются вдали
За тысячной окранный земли,
Когда две золотых песчинки света,
Друг друга обжигая на лету,
В свою орбиту хаос вовлекут,
И новая звезда встает с рассветом...

Но в том, что небо молча говорит,
Земная открывалась мне забота:

Мне было ясно, что любовь – работа:
На пламени любви звезда горит...

IV

Радость учит надежней всего,
А печаль – повторенье урока.
И до самых глубоких снегов
Прожила не одну я эпоху...

Понять, услышать, разглядеть другого...
Но кто он? – я не знала и сейчас:
Все тот же ясный взгляд спокойных глаз,
Как на ладони взвешенное слово;
И в радости, и в близости был тих –
Мне бури удавались за двоих...

Герой выходит слишком неприметным,
Но я придумывать его не вправе –
Пусть жизнь сама все по местам расставит,
Я не хочу носненного ответа,

Он и во мне еще не прозвучал
С неотразимой, беспощадной силой:
И я вслед даже имя не спросила –
Я знала: все равно бы промолчал.

Как он молчал! И был мне ближе всех.
Он был мне – обещание на завтра,
Всех будущих стихов моих соавтор.
И шел в ту ночь вселенский жадный снег.

V

Все стихи о тебе – это только стихи обо мне.
Все слова о тебе – моя тайна, мое отречение,
Тень моя на белой, ровной,
шершавой стене –
Все стихи о тебе не имеют другого значения.

Все стихи о тебе – они если на свете и есть,
Все они на меня безрассудно и жадно похожи:
Не прочесть их друзьям и в гостинице чужой
не прочесть,
И печатные буквы их легкую тень уничтожат.

Все они выростали
из наших бесстрашных разлук,
Из желания слов, у которых значение – одно,
Все стихи о тебе я вскормила, как птицу, из рук,
Все стихи о тебе я бесстрашно себе посвятила.

ДЕРЕВО

* * *

Вся-то сказка – не бывает проще:
Сельской школой вынли на воскресник,
Посадили мне на память роцу,
Корни опуская в землю с песней.
«Вашей дочке маленькой на память.
Вырастет, а здесь шумят березы», –
Говорил учительнице-маме
Семилетний мужичок серьезный.
«Вашей дочке, пусть растет скорее», –
Гордые девчонки говорили.
И, сиденок детских не жалея,
Мне на память роцу подарили.
Принимала этот дар покорно,
Знать не зная, что это такое:
Какрастают в эту землю корни,
Без которых ничего не стою...

Вся-то сказка – не бывает проще:
Посадили мне на память роцу.

Взлетали навстречу крылатые сосны –
О этих стволов совершенных звучанье!
Я знала: навечно мы кровные сестры
В терпенье и песне, в высокой печали.

Сосной пахли доски моей колыбелли,
И корни мои в эту землю вращали,
И смолы сосновые в сердце кипели
Терпеньем и песней, высокой печалью.

В сосновом бору я девчонка-подросток,
Но шуму вершин отвечаю стихами
И знаю: навечно мы кровные сестры
В терпенье и песне, в высокой печали!

* * *

Ночью, только глаза закрою,
Выбираю взглядом сосну:
Чудо-дерево золотое
В золотом закатном лесу.

Осторожно губами трону
Золотой коры чешую:
Сто колец отзовутся звоном,
Сто колец меня обовьют.

Сердцевинной плоти сосновой
Я расту на границе сна:
Шум вершины... Умолкло слово,
И уснула не я – сосна.

* * *

*Любимому лесу
и любимому псу Пирату*

Лес мой, лес, золотой поток,
Ровный свет в ночи золотых деревьев...
Перекресток сна: строго на восток
Протекающий ненаглядный лев...

Темный рыжий рык – золотой клинок,
Зацелованный солнцем рыжий глаз,
На опушке сна золотой клубок:
Всеї любви моеї золотой запас.

И течет во мне сквозь прозрачный сон
Золотой поток золотых деревьев...
Перекресток сна: еле слышный стон –
Боль твоя во мне, золотой мой лев.

Сошныя ветры скользнули с ветвей
Наземь лениво,
Долгого полдня жадно не пей,
Старая ива.

Все серебро твоей нежной листвы
Полдень расплавит,
Все твои помыслы детски чисты —
Все не о славе.

Крона и корни ведут разговор,
Листья в волнение,
Странно понятен мне вечный ваш спор,
Ваши сомненья.

Я и сама на своем берегу
Возле залива
Спор этот в сердце своем стерегу,
Старая ива.

Полдень огнем из ковша обольет —
Корни спасают,
Полдень бесстрашно и жадно совет
Листьям о славе...

И облетит раньше срока листва
В пену залива...
Солнце цалует страшно в уста,
Старая ива...

* * *

Две липы в розовых крылатках
На розовой заре,
Как беглецы, махнут украдкой
Березе во дворе.
Уйдут, окидывая взором
Прозрачный мир полей,
Кивнут двум розовым озерам
И клину журавлей.
Им кажется: уйдут навечно –
Легко сбежать с горы...
Разлука будет быстротечной,
Но как они правы!

* * *

Снится опять, не даст покоя
Темная ель с золотой верхушкой,
Солнце, как яблоко палитое,
Чудом забыто на самой макушке.

Вздых, и скатилось – снимет стрелюю
Воин усталый с лесной опушки..
Сон. И во сне не дает покоя
Старая ель с золотой верхушкой.

* * *

Сирени, синие ветра,
Ночные росы,
И юный гомон птиц с утра,
И месяц – грозы.

И сны разбуженных лесов,
И ветер синий,
И с птичьим хором голосов
Смешался ливень.

Как птицы мокрые висят
Сиреней гроздь:
Всю ночь на мокрых ветках спят
В неловкой позе.

* * *

Орган сосновый был неукротим:
Лишь только ветер обжигал вершины,
Как первый звук, еще неразрешимый,
Шел по трубе сосновой вниз и вверх,
И соки гнали музыку к началу,
И только здесь – над всеми и для всех –
Забытая прелюдия звучала.

Стволы держали звук что было сил,
Земля и небо круг свой замыкали...
Мы слушали орган в сосновом зале –
Никто из нас пощады не просил.

* * *

Есть младший брат, есть дерево, есть птица –
Родство по крови нас соединяет,
И даже мама это понимает,
Но слишком часто начала сердиться:
«Болит, а плачешь под сосной столетней
И птице первой доверяешь песню,
А младший брат – уже тридцатилетний –
Тебе давным-давно не интересен».
И дерево росло, и цела птица,
И знала я, что нет пути обратно,
И отвечала маме виновато:
«У них всю жизнь мне суждено учиться,
А брат мне остается младшим братом».

* * *

Как выйти теперь из спасительной
плоти сосновой,
Покинуть тепло, смол горячих,
целебных не пить...
Позвал и не знал, что за мною вся роща готова
Встать, двинуться с места,
дойти до тебя и любить.

Рванулась к тебе – задрожали стволы,
застонали.
Знала: каждое дерево хочет помочь и простить:
Они жилы тянули и кроны живые ломали,
Чтобы только на волю живую меня отпустить.

Я бежала к тебе, не сосна и не женщина, –
кто я?
Вслед измученный лес ликовал,
надрывался, стонал.
В каждый след мой сбегались маслята,
укрытые хвоей...
Я бежала к тебе, и опять ты меня не узнал.

Я – дерево. Высокая сосна
Среди таежных далей и просторов.
Сюда к июню добредет весна,
А человек придет сюда не скоро.

Я дерево. Корней моих разбег
Уходит вдаль на берег океана.
Там еще не был гордый человек,
Зато весна туда приходит рано.

Я – дерево. Я так же вижу сны,
Мне знать дано, что завтра со мной будет:
Как человек придет тропой весны,
Как берег океана он разбудит.

Построит город сильный человек
И вытопчет неволью мои корни.
Мне быть зеленой еще целый век,
И целый век мне смерти ждать покорно.

Сто раз к июню добредет весна,
Сто раз зажгу сияющие свечи...
Я – дерево. Высокая сосна.
Я не мшную с человеком встречн...

ПРИРОДА

* * *

*Так таинственно, так изменчиво
Льётся жизнь из пределов горных...
И земля, как простая женщина,
Принимает её покорно.*

*Под высокое небо, в холодок подорожников
Опустила усталую, лёгкую душу...*

Впереди, до заката, ещё полдороженьки:

Полежать, отдохнуть,

зной июльский послушать...

Стрекозинный полёт сквозь усталые веки

Да букашечьи жизни – как ангелов хоры,

Муравьиной орды золотые набеги

Да хвои прошлогодней немые укоры...

Убаюкали тихо, светло, осторожно,

А рванулась – да разве отпустит земляца:

Сквозь ладони пророс огонёк подорожников,

Да в моих волосах жадно плакали птицы.

Сад

* * *

Полоснут в небе розовый закат,
Как в голубой воде холста тряпичу,
Последний луч готов еще продлиться,
Тянуться острием в звенящий сад –
Дать солнцу в яблоке осуществиться...
Но сумерки, пристанище досад,
Тревоги тайной в безмятежных лицах,
Последний луч к околице теснят...
Темно. И, как стеклянные, висят
Все яблоки, готовые разбиться.
А к утру ветер обворует сад...

* * *

Звук тревожный, воровской –
Яблоко ударит в крышу.
Я, склоняясь над строкой,
Выстрелом его услышу.

На дверях больной замок,
В ночь распахнуто окно:
Кто там бродит? Да никто...
Но от выстрела в висок,
Умирая над строкой,
Догадаюсь и услышу:
Яблоко пробило крышу –
Звук тревожный, воровской.

Прозрачный сад с опавшею листвою
И нити паутины поверх ветвей дрожащих,
Скользит над домом дождик морозящий,
И в стеклах окон чудится покой...

И по тропинке мокрой, уводящей
Обходит сад дозором тишина:
И дождик убаюкала она,
И растревожила мечту о счастье.

Спрятанный кусочек мокрой ночи
Я по ступенькам в дом вношу случайно...
Рояль молчит призывно и отчаянно...
И сердце отозваться не захочет.

* * *

Звездный порох... Окна в сад
Приоткрыты на полщелки,
Ночь в лилово-синем шелке:
Кто там? Но в ответ молчат.

Звездный ветер... Все подряд
Открываю окна пастежь:
Кто там, не нашедший счастья? –
Ничего не говорят.

Сумашедший звездопад
Над уснувшей вязью сада:
Кто ты, сам к себе преграда? –
Отвечает: «Звездный брат».

С первым шелестом рассвета
Ночь меняет свой наряд:
Тише, травы, тише, ветры, –
Снит усталый звездный брат,
Снит – как в раннем детстве снят.

* * *

Ветер, яростен и жалок,
Сотни маленьких книжалов
На лету вонзает в грудь.
Моя тайна, моя суть
Чем-то так его тревожит,
Что отстать никак не может,
И в отчаянье печали
Он, попутчик неслучайный,
Мой освистывает путь.
Оттого, что мне не страшно
В этой грозной рукопашной,
Он бессилен и смелон,
Он навечно мной прощен...
И, ломая ветки сада,
Улетает он с досадою,
Что попутчиков не надо
Этой женщине в пути,
Но в последнем раздраженье
След мой в тишине осенней
Он сумеет замести.

* * *

Уеду. В никуда уйдет закат –
За горизонтом пронасть недоступна.
И серый вечер, как рисунок смутный,
Как акварель, предчувствием объят.
Все проступает из последних сил:
Холмы, деревья, озеро, туманы –
Все призрачно, и все полно обмана,
И даже ветер крылья уносил
Из этой акварели еле слышной,
Где отыскать пристанище не смог:
В последний раз задел крылом о крышу,
И вместе с ним шагнула за порог.

* * *

Гудят колокола прозрачных лип –
Сто тысяч пчел танцуют танец лета,
И к солнцу уплывают корабли
С тяжелым грузом памяти и света.

В лучах заката золотой набат
Пронзит стрелою жизни старый сад.

* * *

Пересчитала яблоки – не счесть,
Родное дерево не допустило
Всех тайн его мне обнаружить все...
И яблоком зеленым угостило,
Где дозревала сила поцелуя.

Михайловскому саду

Я не знала этого сада –
Между нами была преграда
Не в столетие даже – в год.
Разминулись мы так нелено:
Я могла бы раньше на лето
Появиться, знайи наперед,
Что зимою этой печальнойи
Он погибнет. Наряд венчальныйи
Не застапу уже веснойи...
Что мороз его так псушит:
Из сельца будто вынут душу –
Не оденут его листвойи...

Я-то думала: все там вечно –
И замешкалась так беспечно
На какойи-то единыйи круг,
А приехала – не узнала,
Словно там когда-то бывала,
Словно жил там далекийи друг
И писал ко мне в длинных письмах
Сказку нежную этих листвев,
Повесть долгую этих стволов
И поэмы конец победныйи:
Кисло-сладкую суть плодов!

Сад стоял отраженным бледным
Прежнейи мощи и прежнего света –
Серой тенью на фоне лета...

И зола была теплой педелю...
Невозможно было поверить,
Что в Михайловском сада нет!
Что земля отдала покорно
Старых яблонь старые корни,
Что зеленый не всыхнет свет
В новых яблоках – из середины!
Не метнутся на дно корзины
Эти сказочные шары...

Где костры из яблонь горели,
Где стучали вчера топоры,
Посадили сад новый в апреле!

Деревица мои вдоль забора,
И цвести им еще не скоро,
И не скоро пастунит лето,
Когда, сильнойи листвою одето,
Все сельцо утонет в саду.
В новых яблонях – память старых.
Память этойи земли – подарок,
За которым еще приду!

1978

Гроза

* * *

Обвал вчерашний все еще дымился,
И, стоило горе вдохнуть сильнее:
Песчинок, пыли, страха и камней
Ручей неслышный под ногой змеился.

Дремало эхо на вершинах гор,
Готовое прочистить горло сразу,
Как только первый камень бросит фразу
И горы вступят в странный разговор.

Неслышно сшиблись тучи вдалеке —
Полнеба отколело, разметало,
И молния, ударив по реке,
Как раскаленный бич, до дна достала.

Последний луч край света отогнул,
Смотрел с веселым, молодым задором,
Как вырастал вселенский жаркий гул
И громом обрывался сверху в город.

Вдоль парков, переулков, переправ
Река вскипала и теряла силу,
И тучи, в свете огненных оправ,
По небу раскаленному послали...

Языческих богов, какие есть,
Хотелось перечислить по порядку,
Молитвы сумасшедшие прочесть
И потоки грозы вписать в тетрадку.

* * *

Весенние густые вечера,
Настоящие на сосновых почках,
На нетерпенье неумелых строчек,
Сбегающих с веселого пера.

И, прорастая сквозь меня, звучит
Высокой нотой счастья звук призывный:
Стих на губах, как клейкий лист, горчит,
А утром грянут молодые ливни...

***

Темный лик затаенной воды –
Ни движенья, ни вздоха глубин,
Вечной жизни незримы следы,
И покой этот непобедим.

Над застылостью мыслящих вод,
Где сквозь сон столько дней утекло,
Стрекозы обреченный полет –
Насмерть ранит живое стекло.

Вдруг раскаты глубин и небес –
И затеплится легкая зыбь:
Созидательной силой грозы,
Светлой гибелью стрекозы
Жизнь опять возродится окрест.

Меж луной и закатом

* * *

Золотое пшеницы поле,
Тайна жизни в зерне незрелом,
Уповала на Божью Волю –
Остального я не умела.

Сто тропинок одной дорогой
Никогда не станут, сливаясь,
Уповала во всем на Бога –
Только в этом и не раскаюсь.

Журавлиная в небе стая –
Завтра лягут снега крылато.
Лишь Господь мою думу знает,
В остальном – во всем – виновата...

* * *

Меж луной и закатом
Все прогулки тревожны,
Будто я виновата,
Что обьять невозможно
Этот свет чуть лиловый,
Этот глаз ярко-рыжий –
Не поможет и слово,
И спасенья не вижу:
Не поместится в душу
Этот вечер старинный,
Где стога как подушки
На огромной перине,
Что набита туманом,
Как хозяйской рукою,
Где вздыхает обманно
Тишина над рекою,
Где взлетевшая стая
Камнем падает в сердце...
Тишина вырастает –
С этим некуда деться.
Меж луной и закатом
Все прогулки тревожны,
Будто я виновата
В красоте невозможной.

* * *

То ли звезды шуршат,
То ли иней,
То ли чья-то душа
Вздохом синим
Пролетела в тиши золотой..
С губ срывается Вечное Имя –
Так измучена я красотой,

Совершенством деревьев этих зимних,
Гулким небом, где каждую ночь
Льются света звенящие ливни:
С губ срывается Вечное Имя –
Кто еще мне сумеет помочь...

* * *

На затаенном скошенном лугу
Ни следа, ни извиистой тропы...
Но вдруг остановилась на бегу:
На черном камне свежий след стопы.

Все Божьи следы земля хранит
По косогорам, в перелесках, в чащах,
И след стопы, расплавившей гранит,
Моей душе, как музыка, причастен.

Бубенчики света

* * *

Не удивят осенние причуды:
Дожди, дожди, упавший в ноги лес,
На солнце паутинки медный крест...
Из трех мгновений – пять причастны чуду.

* * *

А сумрак ночи остывал вдали,
Как до него остыл закат над рощей,
Деревья, как большие корабли,
Гребли, бросая тени через площадь.

Обрушивался сном бессонниц жар,
Деревья в землю якоря бросали,
И первый луч, как молодой княжал,
Из самой жаркой отливался стали...

* * *

В зелени высоких лип
Косы золотые выюся.
Языком лизнул залив
Берегов пустое блюдце.

Ночью ветер, как метлой,
Вычистит дорожки парка,
Берега накрыв листвою,
Как цветастым полушалком.

И веселая волна
Разноцветный мир устроит:
Чаша берегов полна,
И откладывать не стоит –

Желтым, красным, золотым
Листьям не давать покоя,
Красть конейку и алтын –
Завтра день дорожке стоит.

Собирая про запас
Жаркую листву живую,
Знать, что ветра шквал не спас –
Так листвою не торгуют...

Только ночь хранил залив
Листьев золотую пену –
Утро нищих, черных лип
Отдавало за бесценок.

* * *

В золотой сердцевине заката лилового
Тонко вытканы яблоки белого золота,
А под тяжестью древнего бора елового
Прогибалась земля удивленно и молодо.

Соловьями набитая рошца дальняя
Посылала вселенной сигналы согласия,
И над миром плыла тишина идеальная,
И любовь себя робким молчаньем
украсила...

Жадно мышцы земли наливались
под тяжестью
Новой юной весны...

Жизнь, всегда беззащитная,
Лишь в такие мгновения вечною кажется,
Пусть всего-то страница одна не дочитана...

* * *

Синий сумрак с синими звездами,
Синий порох в синей воде...
Совершенной, тише́йшей прозою
Этот вечер живет во мне.

Продиктовано сразу набело,
И пометка всего одна:
В синий омут ночной добавила
Золотую каплю Луна.

* * *

Волн серебряные змеи
Выползают на песок...
В ветре яростном все злее,
Укротить себя не смея,
Голос бьется – так высок!

То ль дитя проснулось к ночи,
То ли лопнула струна,
То ли в чьих руках звоночек
Трель рассыпал что есть мочи,
А к ногам ползет волна...

Нотой выше – невозможно:
И на ноте на одной
Душу обреченно гложет
И звенит неосторожно,
Рассыпаясь над водой...
Волн серебряные змеи
Шелестят... Но голос чей
В ветре яростном все злее,
Укротить себя не смея,
Заблудился среди почей?..

* * *

Я высекаю огонь.
Берег пустыней и дик.
Каменной скоро ладонь
Станет от потуг моих.

В море вливается ночь,
Звезды мерцают на дне,
И не приходит помочь
Тот, кто обещан был мне.

Скоро граниты в песок
Каменной дланью сотру...
И из-под пальцев, как сок,
Брызнул огонь поутру...

* * *

Навечно стерты мира очертанья –
Туман. А за туманом: ку-ку-ку...
До тысячи и больше сосчитаю –
Счет вечности не уместить в строку.

В тумане путь уходит за предел,
И только небо обозначит птица..
Попробуй в час свой главный возвратиться,
Когда примет в пути не разглядел...

* * *

Я Вас ждала. И длинный-длинный день,
Как пес, в ногах моих лежал послушно,
Процеживал лениво свет и тень.
И небо растекалось равнодушно.

День угасал, не подарив тревог:
Ни ветра, ни дождя, ни легкой тучи, –
Под солнцем сам собою изнемог
И обманул, как молодой поручик...
Я Вас ждала у четырех дорог.

* * *

Разломали, как пряник свежий,
Север с Югом – на два стола.
Мой любимый цветок – подснежник,
А на юге я не была.

Твое море даже не снится –
Как узнаем друг друга мы?..
Чей-то голос: «О эта Ницца...» –
Настигает среди зимы.

Горный Крым

На склонах гор пасутся облака,
Переливая свет в густые тени...
Течёт непредставимая река
Времён, пространств и смены поколений.

* * *

Золотая тишина
С полосой синей
Опрокинута до дна
На густой осинник.

На закаты не похож
Этот свет звенящий,
Где тропинка через рожь –
Ручеек журчащий.

Все лохмотья на виду –
Ель бредет в закате,
На любовь и на беду
Не меняя платья.

Проступает, как во сне,
Мир в закатной дали...
Вечный сторож на сосне
Что есть сил ударит

И заладит: тут, тут, тут...
Гаснет свет лиловый,
Травы – слушаю – растут...
Или это слово?

* * *

Я вас помню так неумело,
Так неловко, так осторожно,
Как и помнить-то не умела,
Как и помнить-то невозможно.

Прохожу еловой аллеей,
Снег покоится в мощных лапах,
Память высветит акварели
Той прогулки, по слабый запах

Снегопадов, давно усталых,
Синий след под моею ногою –
Я вас помнить не перестану:
Чуть разбавленные водою,

Вы останетесь в марте давнем...
И мне помнить вас неумело,
Так неловко и так печально,
Как и ближних, и самых дальних
Помнить я никогда не смела.

* * *

Словно нить прядёт,
Этот звук в ночи:
То ль метель гудёт,
То ль огонь в печи...
То ль огонь в печи,
То ль метели лёт,
То ли воск свечи
Кто-то в воду льёт...
Выливает знак –
Подглядеть судьбу,
Не поймет никак...
И в одну дуду
И метель гудёт,
И огонь в печи:
Словно нить прядёт
Этот звук в ночи.

* * *

Ручейков серебряные песни
Сквозь апрель к ликующему маю...
Наклопись, прислушайся, напейся –
Память эту музыку узнает.

Различить в мелодии не трудно
Древние напевы чутких гуслей...
Ручейков серебряные струны,
Стая лебедей над белой Русью...

* * *

Как головешки с черных крыш,
В которых притаилось пламя,
Роняло небо звезды вниз,
И венышкой памяти, и снами,
И тем, что будет не сейчас –
В какую-то другую вечность,
Летели звезды мимо нас:
Строка, мгновенье, бесконечность –
Коротенький, как жизнь, рассказ...

* * *

В испуганной ладони стрекоза
Испуганною тайной затаилась.
Я слышала, как в крыльях сердце билось,
Как плакали зеленые глаза..
И я себя на волю отпустила.

* * *

Цалуя русые головки
Богатырей-боровичков,
Раскланивалась я неловко,
Зато любила горячо.

Все было по сердцу в лесу мне,
Но океанская волна
Дразнила, дерзкая плясунья,
И сю я была больна.

Вдруг шум вершин казался стоном
Глубин, которым нет конца,
Но клена лист огнем зеленым
Касался моего лица,

И под ноги ложилась тронка,
И наклонялась я над ней,
Цалуя русые головки
Боровичков-богатырей.

* * *

Дуг векишал где красным, где лиловым,
С мощными вкраплениями белил:
Клеверов незыблемых основа,
Что вчера к полудню расцвели.
Дуг являл живое совершенство
В каждом вздохе, в каждом лепестке...
Солнечной, богоподобной, женской
Сутью всё дышало на земле.

Высокие по духу дни
Стояли в августе, в начале.
Бесстрашно стиха сродни,
Леса тернење излучали.

Живой дороги долгий век
Ложился под ноги покоем.
И гад, и зверь, и человек
Влеклись единою тропею.

И свет и тень сплетали явь,
Лишешую противоречий,
На языках земных паречий
У ног кштели несли трав.

Путь был в поля, за край небес,
До вод озерных, полных силы.
Я шла и: «Господи помилуй!» —
Шумел вокруг священный лес.

* * *

День звенел бубенчиками смеха,
Стрекозиной легкостью веселой.
И кузнечик, свой дворец объехав,
Был счастливым, гордым новоселом.

Роскоши разбуженного поля
Позавидует и двор богатый,
А простор какой, какая воля
В этих светлых, сказочных палатах!

Штору из тумана закрывая,
Зажигая из росинок свечи,
Радостно и сладко засыпает
Очарованный дворцом кузнечик.

Завтра бал – гостей прибудет много,
Праздник состоится настоящей...
Собираясь в долгую дорогу,
Примеряю завтрашнее счастье.

Приглашение было как подарок:
Благодарность в сердце не скрывая,
Знаю я, что мне досталась даром
Поля знойного душа живая.

* * *

Еще не раз тебе поможет небо,
Когда в высокнй, самый звездный миг
Поднимешься туда, где мыслью не был,
Откуда не вернется птичий крик.
И с высоты отчаянья и счастья
Космической великой тишины
Начнешь желать лесов угрюмой власти
И быстрых рек холодной глубины.
Желать земных просторов и закатов,
Ее сухих песков и злых дождей,
Жалеть в ней мать, любимую и брата
И каяться: не так живешь на ней...
Лишь зная небо, постигаешь землю —
Подняться надо и себя забыть,
Чтоб всю ее, до ручейка, приемля,
Понять, как стоит этим дорожить.

МИХАЙЛОВСКОЕ

Прощание с Михайловским в сентябре

Сиротливой серой птицей
Я уселась на крыльце.
Вдаль отсюда не летится
Этой грустной девице.

Из души таская вздохи
И тоски цветной лоскут,
Я гнездо совью по крохам,
Поселюсь навечно тут.

Буду клювом в окна биться,
Буду вам мешать порой...
Не спастись и не забыться –
Нрав у птицы непростой.

Буду сторожем при доме,
Буду тенью в кабинете,
Буду веткой, что надломит
Налетевший ночью ветер,

Буду музыкантом личным
Этого пустого парка,
Буду принимать обличье
Самой древней в мире парки.

Буду шепотом невинным,
Когда про любовь расскажут,
Буду шпрмою каминной –
Буду всем, чем быть прикажут...

И, забыв себя, как тайну,
От которой мало проку,
Стану отвечать случайно
По-сорочьему – сорокам.

А захочется вернуться,
Сесть за стол стихи писать:
Крылья за спиной забьются,
Жесткий клюв ударит в блюдце –
Не подумайте спасать!

* * *

Я приносила полетроки
Из старых парков заповедных,
И слов звенящих бег победный,
Всем ожиданиям вопреки,
Вдруг вырастал из звона дня,
Из птичьих криков оголтелых –
Непостижимо для меня
Само собою свершалось дело:
Как рост травы и бег волны,
Как яблоневый дух предместий,
Слова, победы и вольны,
Росли на самом нужном месте.

* * *

Лес затаился тысячью дыханий,
Занутанных следов на тронах старых:
Ночь бредила моими же стихами –
К рассвету роща в окнах вырастала.

Тянулась в небо жадными стволами,
Не успевая заполнять страницы,
Я шла троюю, усеянною словами,
И рифмы в гнезда настлала птицы.

На глаз, гортанью, языком, на ощупь
Я уставала отбирать и помнить –
Со мною вместе вырастала роща
Поэмы нескончаемой, огромной...

* * *

Ночь читала стихи.

И польское небо держалось
На высоких, зовущих, тревожных,
как правда, словах...

Жар молитвы, тоска, все заботы,
щемящая жалость

Откровенною песней дышали у ночи в устах.
Как высокая песня сжигала притихшие травы...
Как гудели деревья, разбужены волей стихий...
И в своей простоте невозможной,

до ужаса правы.

Шли слова по аллеям. Ночь читала стихи.

* * *

Я опустила руки в глубину,
И тихое сознание вод бездонных
Напомнило о том, что я свободна
Взлететь или камнем ринуться ко дну.

А шелест струй в священной глубине
Все звал и звал, свивая нить разлуки,
И было слышно, как на самом дне
Танцевальные зарождались звуки...

И, только день себя перешагнул –
Подспудно, из глубин, со дна оркестра
Мелодия нездешняя воскресла:
Запел, заплакал белый Белогуль...

* * *

Страшный сон на семи страницах:
Пьяный август и осень в окнах...
Помнишь, я притворилась птицей,
У которой крыла намокли
И которой не надо в небо...
Пьяный август, и так нестрашно...
Помнишь, я попросила хлеба,
Не заботясь о дне вчерашнем.

Пьяный август - и как иначе...
Столько спелых яблок опавших,
На лету разбиваясь, плачут,
Не заботясь о настоящем...

Пьяный август... Петра и Павла
День сегодня такой далекий...
Уходя, свет в ночи оставляю
Беззащитным и одиноким.

*2 августа 1993 г.
Михайловское*

* * *

С грецкий орех в середине июля
Падал нездешний, непонятый град.
Каждую поту сижу караулю...
Свечку задули, гроза как набат

Над покосившейся старой избушкой,
Яблони в страхе закрыли глаза...
Слышу: шаги... Это мимо шел Пушкин,
Это над ним потешалась гроза.

* * *

Словно что-то не пускает
В этот вечно юный сад...
Над Михайловским, как стая,
Ранний кружит листопад...

Август только звезды вносит,
Только яблоком в окно
Стукнул Спас... – откуда осень?
Но листва летит давно.

Яблоки, листва и птицы –
Вихрь, круженье, жадный свет...
В сад войти – не возвратиться...
Августа в помине нет.

* * *

Я ждать устала – скоро третий год,
Как ты поэта пишешь в парке старом:
Стволов по кругу черный хоровод,
Зима сменяться осенью устала...

Подробностями тайна обрастала,
И холст стирал от суетных забот..
Постичь поэта силы не достало
Или смутил часов нездешний ход?..

Тебя я торопила каждый час,
Но разное в нас время протекает:
Ты медлил – этим никого не спас.
Я тороплюсь – и это не спасает.

* * *

Синим шелком стелется ветер
Через даль созревшего льна,
Даже взглядом дано заметить,
Как бездонна здесь тишина.

Нить троны оборвали сосны,
Пескарей заманила мель,
Переплывшим небо матросом
Дремлет в лютике старый шмель...

То ли все расплавлено зноем,
То ли вечности вздох во мне:
Никогда такого покоя
Я не слышала на земле.

* * *

С крыльца спустись – над озером, в тумане
Лежат стихи. Протягиваешь руку,
И горсть полна бесстрашными словами –
Узнаешь их на ощупь и по слуху.

В дыханье ветра, в шуме вод полночных,
В изгибах горизонта над холмами
Летят, плывут и умирают строчки...
Не желтый лист приник к оконной раме,

Не яблоки звенят в саду осеннем,
Не травы ровным полем пену гонят –
Стихи звучат повсюду – нет спасенья:
Живое слово держишь на ладони.

Воспоминания о Михайловском

...Был погружен в себя жасмина куст,
Зеленый луг ромашкой был отстрочен,
Шло лето... День прозрачен был и пуст,
Как чистый лист в преддверье первых
строчек.

Дышало все такую простотой,
В которой мы несмелы и неловки.
Шло лето мимо, не даря покой,
Захлопнув нас в зеленой мышеловке.
Нам не под силу даль и этот свет,
Разбег тропы и строгий куст жасмина...
В обычном доме рядом жил Поэт,
Прохожим встреченным шло лето мимо.

* * *

«Мой первый друг, мой друг бесценный...»
А. С. Пушкин

Почему-то именно январь,
И особенно его начало,
Так уныл, как старый календарь,
Сотню раз пролистанный с начала.
Снегопады были, но давно
Кончилось их белое круженье,
И теперь в незрячее окно
Пусть бы ветер стукнул в нетерпенье...
Ждать бы что-то... Нечего и ждать.
Спать, пожалуй. Тишина, как льдина, –
Необъятна и непобедима:
Закричишь, и то не разорвать.
Завтра новые палить чернила...
Чтобы няня полог починила...
Семь иль восемь на часах пробило...
Колокольчик как звенит уныло...
Колокольчик?! Слишком странный сон –
Он еще с пером иль это снится?
Но какая чистая страница...
Колокольчик! – Это точно он!
Два прыжка, и в поднятой руке
Бьется свет, как крошечное знамя...
Тот январь теперь навечно с нами,
Тот февраль уже невдалеке.

* * *

Распахнутый, как почь, собор стоял:
Все двери настежь. Темнота мангла.
А под стеною белая могила,
И холм все это на себе держал.

В него ступени – ровно тридцать семь,
Их камень стесан временем усталым,
Здесь день поминовения – каждый день.
И каждый – день величия и славы.

Все русские цветы сюда несли,
Все русские слова здесь прозвучали.
Здесь все поклоны клали – до земли,
Все птицы в этом небе открывали.

Здесь сто веков еще сомкнут свой круг,
Здесь себя помнить станет каждый русский...
И холм стоит, сжимая пальцы рук:
Собор распахнут. Ночь. Могила. Пушкин.

* * *

«Завтра вам говорить слово
поминовения на могиле Пушкина».

(Из разговора с С. С. Гейченко)

Этой ночью я одна
Выйду слушать зов метели,
Не душа – пуста сума,
И слова все отлетели.
Выйду слушать парка шум
И Михайловские дали,
Повинюсь и попрошу:
Слово первое подарят.
«Пушкин, – я скажу, – мы здесь,
Ветер ветку не колышет,
И собор стоит как весть,
Сквозь столетия услышан.
И слова живут во мне
Бормотанием невнятным,
Словно тени на стене,
Не сошедшие обратно.
Их не хватит – помянуть
Той зимы февраль бессмертный...
Вечный снег заносит путь,
Птичьи домики-конверты,
Где письма живой восторг
Запечатан, будто чудо,

Снег идет рядами строк
К Вам – туда и к нам – оттуда.
Этот снег не зря валит:
Кто-то дальний вслед за Вами
Оступается в гранит
Гениальными словами...»

«Пушкин, – я скажу, – мы здесь».

* * *

Усталый черновик. Михайловское. Осень.
Неслышные слова, слетевшие с ветвей,
Наверно, самых древних в мире сосен.
Их, улетаая, спрятал соловей.

Теперь усядутся на лист, как птицы,
Наохлившись, молчанье тая,
И увезу с собой, и чуду длиться,
И где-то в середине января

Достану лист. И памятью и снами,
Сиротством и тоской не по плечу
Любовь вдохну горячими устами,
И оживут слова. И научу

Июньской песне, нежной, как дыханье,
Когда слова любви уходят с уст...
Дождемся песню, одолев молчанье, –
Не навсегда лист невозможно пуст.

Наброски к поэме

Я знала, что в мире этом
Нельзя нарушить законы:
С самым любимым поэтом
Мы были едва знакомы...

Стихи – как в спину тайный нож:
За что, не скажут, но умрешь.

I

Отпразднуем сегодня повоселье –
Слова переселяются в поэму,
Безудержное, дерзкое веселье
Идет стиху усталому на смену.

Давно хотелось праздника такого:
Когда исписываешь полтетрадки
И под перо ложится точно слово,
Как обоженный камень в старой кладке.

Когда сто тем сплетаются, как корни,
Когда сюжет, как песня, вырастает,
И ты плетенься вслед за ним покорно:
Тебя в конце поэмы убивают.

Вся эта кутерьма осуществима,
Когда, ворочаясь, вздыхая, плача,
Плывет в тебе поэма вдаль и мимо...
Пусти ее на волю, на удачу!

II

Все начиналось с колыбели:
Укладываю дочку спать,
Ей песен радостных не пели,
Умея лишь стихи читать,
Из всех стихов предпочитая
Всегда одно: «Погиб поэт»...
Мать, надо мной его читая,
Твердила, что пощады нет.
Из первых слов на этом свете,
Из первых истин и тревог
Я знала эту – о поэте.
Весь долгий колыбельный срок
Ни сказок, ни иных созвучий
Не помню я над колыбелью:
Молоденький и злой поручик
Стоял, как страж, за нашей дверью.

III

Назвал судьбу поручик и ушел.
А я осталась с этим словом гордым:
«Поэт» – как солнце жаркое взошло,
«Поэт» – петля захлестнута на горле.

Из первых букв, из первых слов, из книг
«Поэт» – тревожней слов других на свете.

Как плеть наотмашь и веселый крик:
«Поэт!» – Как понимают слово дети!
Стихи – осмысленно, как мир, – потом.
Сначала слово это – дар и чудо –
Холодный воздух обожженным ртом:
«Поэт» – такого детства не забуду.

IV

Пришла пора услышать смысл и звук
Тревожных строк. Стихи дарили песню,
И размыкался прежний детский круг:
Мелодия плыла из поднебесья.

Укачивала музыка волной
И блеском оголенным снегопада:
Читать стихи – веселая награда,
Слова идут как ливень проливной,

И не спасенья хочешь – продолженья,
И рифмы, как знамена на ветру,
Полощут душу, мысли и мечту,
И первое мое стихотворенье,

Неловкой пташкой, только из гнезда,
Прошло по первому черновику, хромая:
Такие пташки долго не взлетают –
Страшит их тайны дальняя звезда.

V

Мы встретились с Поэтом. (Просто сон?)
Но явь отчетливей едва ль бывает.
Таких наград за так не добывают:
Я разрушала время и закон
Для этой встречи. И платить придется
Не знаю чем. Но счастье и потеря
Всегда в обнимку ждут за нашей дверью,
И стук всегда похожий раздается.

У самой старой книжки записной –
У памяти – я адрес выбираю,
И время года тут же проставляю:
Отправимся по адресу весной...
Мы жили рядом. По аллее Керн
Ходила в дом знакомый каждый вечер
И в кабинете зажигала свечи,
И тени оплывали с темных стен.
И, вздохом не нарушив сон аллеи,
Я и стихов там громко не читала:
Михайловское – наших душ начало,
Размытая веками акварель...

VI

А круг дымился желтою листвою:
Сегодня к вечеру сгорели лины –
Все двадцать шесть. И ветер был – до всхлипа,
И желтый гул пронесся над землей.
Зажгли фонарь у дома на углу,
И ночь шагнула из-под старых елей.
И невозможно было не поверить,
Что с края света я не убегу
К размытой этой старой акварели.

ВСТРЕЧИ

* * *

*И какой-нибудь новый,
Освистанный миром пророк
Завтра станет рыдать
Неутешным рыданьем:
Что предсказано им –
То с народом исполнилось в срок:
Нет страшной наказания.*

Поэту

Осмеянный на перекрестках вечных,
Где пошлость вместе с праздностью отважны,
Где каждый знает, от чего отречься,
И каждый отрекался не однажды,

Где сквозняки всех двадцати столетий
Обугливают душу до озноба,
Где этого бесстрашно не заметит
Людская злоба, –

На этих вечных перекрестках-плахах
Тебя из бронзы выльют, как из воска,
За то, что в общем хохоте ты плакал
На этих сумасшедших перекрестках.

Детское

Я развезла цветы своим друзьям:
У Пушкина была, у Грибоедова,
А Лермонтов не выдержал и сам
Мне позвонил: «Вы дома? Я приеду».

Свечу зажгла и сразу ждать устала,
Минуты шли, пора ему и быть, –
Черновики в который раз листала,
Когда случилось двери отворить.

Не подавая трепетной руки:
«По делу я. Да знаете Вы сами.
Оставьте же игру с черновиками:
Я объясняться – не читать стихи.

Для Вас и век как будто не преграда –
Вы любите меня... Иной награды,
Поверьте, ни за что бы не желал,
Когда б нас с Вами век не разделял.

И рад бы Вам ответить – и нет сил:
Я мертв. Легенда. С вечностью не шутят.
Не надо, девочка. Так будет лучше.
Забудьте, что сегодня приходил».

И поклонился молча и устало...
Беспомощно черновики листала,
Но вслед ему смотреть не перестала...

* * *

А. С. Пушкину

Руку твою держала
В детстве, до первых слов,
Сильную, как держава,
Мудрую, как весло.

Холодом обжигала –
Только бросил перо...
Руку твою держала –
Старое серебро.

Криком губ не разжала –
Жизни огонь пронзил...
Руку твою держала –
Руку не отпустил.

* * *

Даниилу Андрееву

Синий ленок я сеяла
На дорогой могиле,
Пророчество Елисеево
Исполнено на Данииле.

Так нежданно-негаданно
Я распахала нашію:
Запахло российским ладаном
У Новодевичьих башен.

Под звоны пасхальной радости
Свеча горела в землице,
И номинальной сладостью
Век мне не насладиться.

Крестом лежала Вселенная,
Цвел крест на его могиле –
В руках моих роза нетленная
Молилась о Данииле.

* * *

А.И. и Б.И.

Мы пленники единого числа...
И я была любима той метелью:
Когда она одела в саван землю –
Я свечечку зажженную несла.

Пусть это никого да не смутит:
Единой буквой связаны мы трое,
Не избежать нам этого пути:
Мы пленники нездешнего Покоя.

Не сравниваю, не стараюсь быть,
Не задеваю солнечные тени –
Я говорю о чуде совпадения:
Числа и буквы золотая нить...

* * *

О. Мандельштаму

В его стихах количество камней
Достанет на постройку пирамиды.
Каменотес? Но слишком нежный с виду.
Каменотес. И он же – соловей.

Цалует горло солнечная нить,
Уходят в вечность корабли и льдины...
Я список продолжаю с середины
В надежде угадать: куда ж нам плыть?

* * *

К. Бальмонту

Сонеты Солнца, меда и Луны
В овале древней рамы, с совершенством,
Которое постичь – уже блаженство,
Уверенной рукой заключены.

Какою правдой тихою полны,
Какая точность замысла и жеста
И формой продиктованное место
Обычных слов над бездной глубины.

Вкус меда остается на устах,
Восходит Солнце на страницах этих,
И полная Луна трепещет светом...
Когда душа угрюма и пуста,
То в даль моей страницы тихо светит
Маящий пламень вечного сонета.

А. Ахматовой

Символка древних гербов –
Язык, обреченный забвенью:
Двух старых, породистых львов
Роскошные гривы над дверью...

Войдем в перестроенный ритм
Окон, перекрытый, панелей...
Попутчик случайный, соври,
А я тебе жадно поверю.

Читай мне священную ложь
Ленинны, плафонов, паркетов
И тайной недавней тревожь –
Мы входим в жилище поэта.

Наследую памяти зов –
Не гостя и не чужестранка...
Соври мне бесстрашно и зло –
Ведь в окнах все та же Фонтанка.

А. Ахматовой

Я спорила с Ахматовой однажды.
Испуганно и в дерзком нетерпенье
Ждала, что небо, наконец, накажет
За несмиренье.

Четыре строчки – все мое богатство,
Тысячелетней жатвы полный колос –
Не правились ей так, что разрыдаться
Хотелось в голос.

Бессмертные ей доводы служили,
И чуть обугленные веки птичьи
Взгляд удивленный, пристальный тушили:
Я спорила на грани неприличья.

Все доводы мои были неясны –
Я успевала разминуться с ними...
Вздыхнув, она спросила мое имя,
И я проснулась правой и несчастной.

* * *

Спасибо Гумилеву Льву
(Конечно, Николаю с Анной):
Бесстрашно помню и люблю
В себе потомка Чингисхана.

* * *

Ксении Некрасовой

И говорила – как трава растет:
Неслышно, вдоль дорог и у заборов.
А отголосок этих разговоров
Еще сейчас вдоль улицы идет.

Проходят в своей детской простоте
Слова, слетевшие с твоей страницы,
И гнезда ими устилают птицы,
Поверив незаметной доброте.

И корни заплетают их в стволы
Больших, неумирающих деревьев.
Всей сутью ощущая их доверье,
Жуют с травой их добрые волю.

Ты по земле идешь из года в год,
И шелест буйных трав все нарастает...
Так ласточки перед дождем летают,
Так пчелы собирают жаркий мед...

* * *

М. Цветаевой

В старом доме и дерево камень.
День за днем каменело веками –
Триста лет, день за днем, день за днем...
И попробуй теперь взять огнем –
Лишь облизнет бессильное пламя:
В старом доме и дерево камень.

М. Цветаевой

Как звенело в стихах моих детских
Серебро твоих узких колец,
Надо было – да некуда деться:
В своем доме – случайный жилец.
Скольким женщинам юным и сильным
В долг давала свое серебро,
Сколько пели тебе по России,
Нажимая стальное перо.
И сейчас мне звучит ненароком:
«Вы знакомы? Ведь в вашей строке...»
Дорожу этим явным упреком
И колец не пошу на руке.

М. Цветаевой

Из русской речи, из московских улиц
Вошла, всеї русской сутью узнаваема,
Та, кому вслед с восторгом обернулись, –
Цветаева.

По русской совести, по русской боли
Прошла, уже тогда незабываема,
Та, чью судьбу ничто не обездолит, – Цветаева.

На русской памяти (всегда с раскаяньем)
Стих захлестнула, выдохнуть заставила
Растеряно, с восторгом, с опозданием –
Цветаева.

Цветаева и Блок

М. Цветаевой

Не окликнула, глаз не вскинула –
Не обжегся бы, ненаглядный.
Самого на себя покинула,
А могла бы стать Ариадной.

Завязала узлами улицы,
На которых – могли бы встретиться...
Несбываемое – не сбудется:
Как не кликнула – так ответится.

Залы белые все обрушила,
Где могли бы – нет выхода – встретиться...
Даже сны о нем все задушены:
Как не кликнула – так ответится...

Не окликнула, глаз не вскинула,
Слова шепотом не сказала:
Самого на себя покинула –
Как умела, так и спасала.

М. Цветаевой

С занахом чужого пота
Платья старого покроя...
Дети... – скоро будет двое,
У Сережи есть работа.
Сядь к столу, прямую спину наклоняя, –
Час покоя...
Дети – скоро будет двое,
Сядь к столу скорей, Марина.
В этот час земной, бессонный
Жизнь полна, как медом соты...
С занахом чужого пота
Платья старого фасона
Век носить – износу нету:
С кожей сброшена гордыня.
Сядь к столу – судьба не минет:
Час покоя – до рассвета.

Дом на Арбате

М. Цветаевой

Парафраз и развитие темы...
Я вокруг не смотрела. Зачем?
Жизнь нагруженных памятью стен
Вся в бессмертье уйдет постепенно.

Непосильный, томительный груз:
Смертной памяти кровные сестры –
Я читала себе наизусть
Юной женщине строгого роста.

От ее сумасшедших потерь
Мне таким утешением веет:
Пусть на тысячу бед я слабее –
Я стучусь в эту вечную дверь.

И шагнула я в дверь на стене:
Как смелы на прародине все мы...
Парафраз и развитие темы...
Старый дом отозвался во мне...

* * *

Ли-Цин-Чжао

Устала от странного ритма,
Что бьется в унылой строке:
Зеленая память нефрита,
Бег джонки по желтой реке...
То лотоса вечная тайна,
То сон хризантемы в саду –
Ритм древний, живой, но случайный,
И я в нем себя не найду.
Неточная нота дрожала,
Строку разрушая мою...
Я песни твои, Ли-Цин-Чжао,
Не слишком умело пою.

Артюру Рембо

Мальчик мой, тоненький, слабый росток,
Весь – гениальное слово,
Ты, как корабль, отплыл на Восток
Вечером, в четверть шестого.

Видел ты блики нездешней зари
В каждом своем озаренье,
Тихой улыбкой сжигал корабли,
Слышалось вечно несье...

Сквозь океан обретенной тоски,
Сквозь переводов наплывы,
Мальчик мой, время сжимает виски,
Вслед тебе прыгнув с обрыва.

* * *

«Мне не кажется трудным
до неба дотронуться».

Санфо

Уронила строку, и сквозь тысячи лет,
на рассвете,
Когда сон отлетал вереницей
неслышных стихов,
Я, за ним поспешая и рифму боясь не заметить,
Зная тайны созвучий и песни минувших веков,

Протянула на ощупь тревожную, сильную руку
И коснулась звезды, и обжег ее розовый свет...
Рифма выше ушла – я ее настигала по слуху:
Санфо, выше звезды иногда в небе бродит поэт.

* * *

Ф. Гарсия Лорке

«Федерико...» – и сны отлетали прочь,
Вырастала душа до крика,
Голос звал и раскаль'ивал жадно ночь:
«Федерико...»

Стерся в пыль столетий обвал,
Сгнили гнезда орлов и чаек...
«Федерико...», а голос все звал и звал –
Даже эхо не отвечает.

Знала только имени звук:
«Федерико...», а дальше – тайна.
На земле караулит озноб разлук –
В песне встретимся не случайно.

* * *

Ф. Гарсия Лорке

Золотая пыль Испании –
Страсть смертельная во всем,
Смех, исторгнутый рыданием,
Песню опалил огнем...

Все мы этой песни узники:
Проникающий в стихах
Голос древней Андалузии
Никогда в нас не стихал.

Золотая пыль Испании –
Страсть смертельная, как жизнь...
Голос Лорки – сокол раненый –
Песней на губах дрожит.

* * *

Нике Турбиной

Откуда эта мудрая печаль?..
Стих плакальщиц, замороженных плачем,
Всегда итог: не различить начал...
Пошли, Господь, тебе во всем удачу.

Слова растут неслышно, как трава,
Которую посеял ветер знойный...
Душа твоя в неведении права,
Пошли, Господь, тебе судьбы достойной.

У тайны нет начала, но конец
Так часто и печально так известен...
Да не убьют тебя приливы несен,
В крови твоей не замолчит скворец...

* * *

Александрю Вагину

Такой прозрачный, нежный человек,
Измученный пространством и полетом,
И памятью, стекающей в аорту,
Как кровь из раны на вчерашний снег...
Такой прозрачный, нежный человек...

* * *

Дионисию

И я опять на склонах золотых,
Где племя одуванчиков живое
Ждет, когда вспыхнет нимб над головою,
Прописанный, как у твоих святых.

Белильные движки по облакам,
На них заката отраженный отблеск,
Легко и вдохновенно – на века –
Тобой написан их летящий облик.

В травинке каждой руку узнаю:
Весь мир вокруг твоею создан кистью,
Перед тобой, бессмертный Дионисий,
В молчанье удивленном предстою.

* * *

*Тропарь Преподобному
Серафиму Вырицкому*

Преподобный отче наш Серафиме!...
Детскими слезами радости и благодарности
Омывается душа моя под соснами Вырицы,
Жизнь твоя и подвиг твой как песня
Вливаются в сердце мое холодное...
Пламенная сила молитвы твоей
Озаряет во тьме моей присутствие Божие...
Благословение прошу, дорогой батюшка,
Из бездны моей беспомощности
и греховности пропеть тебе:
Радуйся, Преподобный отче наш Серафиме,
Малое моление наше
В поток любви превращающий...

* * *

*Тропарь святому праведному
Иоанну Кронштадтскому*

Святой праведный отче
Иоанне Кронштадтский!
Подвигом твоей любви и веры
В горнем мире зажег для нас
Надежды свечу.
Благодать от Господа примиши,
Заступником России на небесах предстоиши,
Дерзновенно требуя у Бога:
Даровать душе каждой осознанное покаяние.

* * *

Аввакуму

Оголенное слово костры поджигало –
Пахло плотью, сожженной в безумии сладком,
Так хотела сбежать – никуда не сбежала:
И сама к той меже я шагнула украдкой.

Протопоны, расстриги, родные безумцы
Полыхали, как свечи, толпу поджигая,
Не хотела смотреть (не смогла отвернуться),
Как в огне ликovala Россия живая.

«Мне дано! Я небесные тайны вещаю», –
Темным жаром уста раскаленные полны...
Не хочу обещать, но уже обещаю:
Все, что скажет, – запомню.

* * *

Игуменья Таисии

Постигла солнечную суть
И дара, и креста..
А дар и крест всегда спасут,
Была б душа чиста.

Колыбельная для отца Николая (Гурьянова)

Слышу: песня над островом тихая,
Голос старческий полон любви.
Мой поклон: кузовок с земляникою
В дар от детского сердца прими.

Ты устал, и тебе нездоровится:
Наши немощи хуже оков,
Чьей молитвой сама Богородица
Надо мной распахнула покров.

Ночь раскинулась всенощным бдением,
Как лампадки звезды горят,
А в саду твоём птицы осенние
До рассвета молитву творят.

Слышу: песня над островом тихая,
Голос старческий полон любви...
Все, что есть: кузовок с земляникою
В дар от детского сердца прими.

* * *

О. Феодору

Тихий свет, синева куполов,
И живи...
Да покоя все нет
Ни в душе, ни в крови.
И опять за суму,
И дорога легка,
И сама не пойму,
Сколь она далека...
Вам молиться – мне неть,
И простит нас Господь...
Вас обнять не посметь:
Где душа – тут и плоть.
Вечен круг здешних мук:
Не уйти никуда...
Не бывает разлук
Навсегда.

* * *

*Виктории Шек
(монахине Николае)*

Весь этот март, как яблоко, что зрело
Среди снегов,
Держала на ладони неумело,
И как ожог
Был каждый день с его звенящей влагой
Капельных слез,
И не хотела, да случилось плакать
Всегда всерьез.

И ночи выливали, как сосуды,
Такую тишь,
Что можно было потерять рассудок:
Всю ночь не спишь.
О если только я дождусь апреля –
Пусть за окном
Высвистывает на своей свирели
Знакомый гном...

От марта оставались только тени
К исходу дня,
И тот же гном, теперь уже в апреле,
Дразнил меня...

* * *

Алле Андреевой

И женщина – с лицом звезды летящей –
Мне наливала старое вино...
Я, всем ветрам распахнутая настезь,
Примерила её дорожный плащик,
И в музыке, нахлынувшей, как счастье,
Ту женщину, с лицом звезды летящей,
Любить и слышать было мне дано...

Письмо в Австралию

Искре Рычаговой

Дорогая и далекая,
Тайны все давно рассказаны,
За околицей даль охает:
Ветры там к дубам привязаны.

На холме стоит и борется
Дуб в кольчуге, ржею тронутый,
И как трубы за околицей
Ветра золотые стоны там.

Ночь, конечно, осень, глухо так –
Два огарочка до света мне...
За окном дуб с ветром ухают –
Победителей-то нету там...

Дорогая и австральская,
Ветр и дуб – мое обличье,
Как любовь моя австральская,
Та, которой нет в наличии.

* * *

Гале Григорьевой

Я источаю аромат
На подоконнике геранью...
Ничей недобрый взгляд не ранит:
Мне каждый откровенно рад.
Цветов немного: пять иль шесть
Колючих кактусов заморских...
Зимой под форточкой замерзли,
Но жажда жизни в каждом есть.
Фиалки, фикус, лавр в ныли
(Соседство сонных полок книжных)...
И адрес у окна: в Париже,
Там, где герани расцвели.

* * *

Юрию Платонову

Неделя в ожидании тепла,
Луча животворящего...
Скорей бы! Измученные почками деревья,
Холодный дождь за радугой стекла.

И ватник не снимать, и печь топить,
Ходить к березе нашей у провора
И обещать, что скоро, очень скоро
Листве звенеть и вечной жизни – быть!

А майский день все холоден и чист,
И, затаившись в ожиданье света,
Бесечно пропустила тайну лета:
Чуть отвернулась – мощно грянул лист!

* * *

Юрию Платонову

Прорись майского дерева
На вершине горы,
Я – ни в чем не уверена,
Вы – во всем не правы.

Прорись майского кружева,
Тайна майской листвы...
Чьи, бесстрастно-ненужные,
Два бокала пустых...

Птица с дивными перьями
На вершине горы,
Я – во всем не уверена,
Вы – во всем не правы...

И кипящие золотом
Из оврагов ручьи
Так бесстрашны, так молоды –
В никуда и ничьи.

* * *

Юрию Платонову

Часы идут, а циферблаты смыты...
Безликая, пугающая правда,
Как будто кто-то страшный, ненасытный
И день и ночь лишил живой оправы.

Часы идут, как молоха колеса:
Их жернова размалывают время.
Их вечный круг – лишь тонкий знак вопроса,
Лишенный тайны жалкий неврастенок.

И смутно все, и слишком спотливо –
Не пережить безвременных скитаний...
И ты, украв пригоршню чернослива,
Круг на снегу рисуешь вместе с тайной.

* * *

Борису Мансурову

Я выхожу на перекресток дня,
Мне мудрость мира не дает покоя:
Я знаю все. И ничего не стоит
То знание, достигшее меня.

Мне ясен день и так же ночь ясна,
Я тихий час для золотой Вселенной,
Но мой покой – тоска земного плена,
Исполненная сладостного сна.

Я вижу сны уже в такой дали,
Где память у воды совсем иная.
И в этих снах я ничего не знаю.
И эта тайна – только тайна ли?..

Мне нет предела, имени, примет –
Я долгий вздох нездешней вещи птицы,
Мне с перекрестка дня не отлучиться –
Лишь потому, что перекрестка нет...

* * *

Дмитрию Огороднову

Узнаю удивление У,
В золотой тишине алгоритма:
Вздых уснувшей Вселенной? Молитва? –
Неужели и я запою?..

Мне четыре пленительных О,
Как колеса в ночи фаэтона,
Неустанно поют: О-го-род-
Нов – захлопнулся створки балкона..

Умный У и пленительный О,
А – фельдмаршал, идущий под пули:
У-у-уль... –
Неужели запеть мне дано?..

* * *

Дмитрию Огородникову

Во мне ответ на ваш вопрос
Являл так много вариантов...
Так море вздохом волн-гигантов
Шлифует каменный утес.
Дыхание глубинных вод
Волной обрушено на берег,
Но камень безрассудно тверд...
И мне одной дано поверить,
Что через десять тысяч лет
От вздыбленных подобий молний
Песок останется, как след...
А берег так же лижут волны:
Страшнее ритма – правды нет!

Аркадию

И чистая душа твоя
Лилась с живых страниц горящих,
Как продолженье бытия
Нездешней жизни настоящей.

А за окном лини тощих строї
Изнемогал мечтої о саде,
И жизнь металась, как большой,
У невозможности в засаде.

И было ясно: не уїти
И не снастись от здешней муки,
Но все лились живые звуки
Огнем измученной души.

И ангел тихие крыла
Враз разметал над Красной Пресней,
Когда душа нездешней песней
Из бездны в бездну проплыла...

* * *

Астрологу

Звезды – только знаки Высшей воли,
План Господень о моих путях:
Жадно мысли среди них гостят,
Обжигаясь светом звездной доли.

Жизнь моя – божественный пустяк –
Этот свет вбирает поневоле:
Небо – как засеянное поле,
А судьба – как баба на сносях...

Закаты за готическим окном
Гасили роз торжественное пламя...
В углу за креслом пряно нахло снами:
Дышал теплом прогретый жизнью дом,
В ретортах изнывал вчерашний день,
Рассказывая аромат шалфея
(Лишь два крыла отбрасывали тень),
Струилась темной лестницею фея...
И синие крыла касались плеч
Седого старика с веселым взором,
И в два бокала «Тайна Пифагора»
Не уставала век за веком течь...
Все веселило душу: жизни дар,
Разбавленный тончайшим сладким ядом,
Седой старик с его веселым взглядом
И за окном закатных роз ножар...

* * *

Надежде Зога

В белом зеркале маія,
На поверхности света,
Не себя отражаю:
Зацалованных ветров
Золотые упряжки,
Зов нездешнего крика:
Всплыл с серебряной чашкой
Чуткий стол Казантша...
На поверхности света,
В белом зеркале маія,
Духи звездного ветра
Память мне омывают...

* * *

Году тигра

Я шла тропой извилистой к закату,
Когда навстречу из лесной труппы
Вдруг встал великоленный, полосатый,
Взглянул в глаза – и замерли мы оба.

Мне беззащитность шла, как королеве
Воздушный шлейф в руках немого нажа...
И я сказала тигру: «Мне не страшно –
Я по-другому просто не умею».

И он – великоленный, полосатый –
Ответил: «Нам, конечно, но пути,
И если шлейф позволите нести,
То мы успеем вовремя к закату».

КАЛЕНДАРЬ

* * *

Одинокой ночной метели
Бились белые крылья:
Здесь лебеди пролетели
И птицу одну забыли.

Теперь догони попробуй,
Когда и воздух – хрусталь.
Сбивая пену с сугробов,
Птица стремилась вдаль.

Живая – что ей законы?..
Взлетела из января,
И ночь наливалась звоном
Разбитого хрусталя.

* * *

В хрустальной сказке, по ночам,
В костре крещенского мороза
Горит, как вечности свеча,
Серебряным огнем береза.

В хрустальных башмачках вдали
Крадется сон тропой звездной...
Душа поет, свеча горит
В огне крещенского мороза.

* * *

Белое утро с серым крылом,
С древним запахом февраля,
Вьюги огонь над холодным лбом,
В сон погруженные тополя...

Шаг не ступить в этой сизой мгле:
Кто-то давно погасил огни...
Все, что обещано в феврале,
Все отберет у тебя двойник.

Не различая в пути примет,
В ночь добредешь сквозь тяжелый снег,
Там о чем спросишь, ответят: нет –
Был до тебя другой человек.

Белое утро с серым крылом...
Легкий твой след заметет метель:
Птицы укажут дорогу в дом.
Даже себе в феврялях не верь...

* * *

Февраль – месяц кривых дорог,
Так говорит народ и ныне.
Живое слово не остынет,
Пока снегам приходит срок.

Еще в апреле дан зарок –
Встреч не искать. Ведь так спокойней...
Но свел нас сказочный разбойник
Февраль – месяц кривых дорог.

* * *

Розы в сугробах – диво земное:
Жадно преследовал солнечный запах.
Страстно желала этой зимою
Розы в сугробах собрать и заплакать.

Мучила близких знакомых и дальних
И приставала бесстыдно к прохожим...
Мне отвечали с улыбкой печальной:
«Рады помочь, но ничем не поможем».

Знать бы им всем, что иначе все прахом,
Что в феврале можно выжить лишь этим:
Розы в сугробах собрать и заплакать...
«Будут Вам розы», – прохожий ответил.

В том обещанье звучала угроза –
Что его взгляд нареченный пророчит?
Долгий звонок разбудил среди ночи:
В белых снегах стыли алые розы.

Метель крутила белые спирали,
Пронзая ночи тишину и сны,
В домах покренче двери запирали...
О эти невозможные февральи –
Предчувствие тревожное весны.

Распахнутые, призрачные дали,
Поземка убегает из-под ног,
И говорят, что март уже видали,
Но эти невозможные февральи
Наворотили снега на порог.

И первый гром еще когда ударит,
Когда ручьи надумают бежать
И первые цветы когда подарят...
Но эти невозможные февральи
С весной на крыльях трудно удержать.

Сломался проигрыватель...

Вот и без музыки... И март
Оборван, как на полуслове:
Вдруг возвращается зима,
Внимая ложному безмолвью.

Вдруг не хватает силы жить
Без Малера и звуков Баха,
И ничего не разрешить...
И даже не дано заплакать...

* * *

Шелест снега всю ночь напролет –
Это март. Он снегами задушен,
В нем сугробы как сотни подушек,
Звуки леса все глуше и глуше –
Только снег отрешенно идет.

Это март. И спасенья не знать –
Голубыми завален снегами,
Он бесстрастно колдует над нами
И такими простыми словами
Заставляет в тетради писать:

Это март, этот снег неспроста,
Он ложится нам молча на плечи,
Каждый шаг наш им сразу отмечен,
Он в единственный, главный наш вечер
Веки нам залепил и уста.

Он идет, и его не унять,
Этот снег совершает работу;
Нам его подчиняться полету,
С ним делить нам тоску и заботу,
В нем друг друга суметь потерять...

* * *

Апрель... Ни одного подарка –
Нет солнца в запоздалых лужах,
Живой сугроб лежит недужно
Под каменной старинной аркой.

Не ждешь весны и лета тоже –
Все обмануло: дождь и нежность.
Упрямый маленький подснежник
Хотел бы выжить и не может.

И все недуги рядом бродят,
И все надежды отступают,
И вековые льды не тают,
И звезды на небе не всходят...

Таков апрель. Как страх в больнице:
Горячечный, кошмарный, влажный –
Не умереть готов отважно,
Да не дали воды напиться...

* * *

До горизонта даль чиста...
От неба землю отделяя,
Пунктир вытягивает стая,
Березы, по ветру истаяв,
Звенят предчувствием листа –
Апрель. И каждый звук, как плеть,
Наотмань в сердце ударяет:
Скрип старой вербы у сарая,
Далеких волн глухая медь –
Все ново, все случилось вдруг,
Все постигаешь от начала:
Клин старых лодок у причала,
Нить журавлей и даль разлук –
Непостижимый, вечный круг,
В котором с жадностью молчала!

* * *

Среди юного дыма майской листвы
Эти старые девы – старые ели –
В постоянстве безгрешном привычно чисты:
Все желанья свои навсегда одолели.

Только кисточки нежно, призывно звенят –
Чуть разбавленный свет неземной акварели...
Эти старые девы – старые ели:
С высшей тайной кокетства продуман наряд.

* * *

Метель крутила белые спирали,
Пронзая почти тишину и сны,
В домах покрепче двери запирали...
О эти невозможные февральи –
Предчувственные тревожное весны.

Распахнутые, призрачные дали,
Поземка убегает из-под ног,
И говорят, что март уже видали,
Но эти невозможные февральи
Наворотили снега на порог.

И первый гром еще когда ударит,
Когда ручьи надумают бежать
И первые цветы когда подарят...
Но эти невозможные февральи
С весной на крыльях трудно удержать.

Сломался проигрыватель...

Вот и без музыки... И март
Оборван, как на полуслове:
Вдруг возвращается зима,
Внимая ложному безмолвью.

Вдруг не хватает силы жить
Без Малера и звуков Баха,
И ничего не разрешить...
И даже не дано заплакать...

* * *

Шелест снега всю ночь напролет –
Это март. Он снегами задушен,
В нем сугробы как сотни подушек,
Звуки леса все глуше и глуше –
Только снег отрешенно идет.

Это март. И спасенья не знать –
Голубыми завален снегами,
Он бесстрастно колдует над нами
И такими простыми словами
Заставляет в тетради писать:

Это март, этот снег неспроста,
Он ложится нам молча на плечи,
Каждый шаг наш им сразу отмечен,
Он в единственный, главный наш вечер
Веки нам заленил и уста.

Он идет, и его не унять,
Этот снег совершает работу;
Нам его подчиняться полету,
С ним делить нам тоску и заботу,
В нем друг друга суметь потерять...

* * *

Апрель... Ни одного подарка –
Нет солнца в запоздалых лужах,
Живой сугроб лежит недужно
Под каменной старинной аркой.

Не ждешь весны и лета тоже –
Все обмануло: дождь и нежность.
Упрямый маленький подснежник
Хотел бы выжить и не может.

И все недуги рядом бродят,
И все надежды отступают,
И вековые льды не тают,
И звезды на небе не всходят...

Таков апрель. Как страх в больнице:
Горячечный, кошмарный, влажный –
Не умереть готов отважно,
Да не дали воды напиться...

* * *

До горизонта даль чиста...
От неба землю отделяя,
Пунктир вытягивает стая,
Березы, по ветру истаяв,
Звенят предчувствием листа –
Апрель. И каждый звук, как плеть,
Наотмашь в сердце ударяет:
Скрип старой вербы у сарая,
Далеких волн глухая медь –
Все ново, все случилось вдруг,
Все постигаешь от начала:
Клин старых лодок у причая,
Нить журавлей и даль разлук –
Непостижимый, вечный круг,
В котором с жадностью молчала!

* * *

Среди юного дыма майской листвы
Эти старые девы – старые ели –
В постоянстве безгрешном привычно чисты:
Все желанья свои навсегда одолели.

Только кисточки нежно, призывно звенят –
Чуть разбавленный свет неземной акварели...
Эти старые девы – старые ели:
С высшей тайной кокетства продуман наряд.

Воспоминание о мае

Всеселый день, в котором свет и тень
Пронзали стрелами объемы сада,
И почки лопались – едва задень
Такой стрелой. И расцветал плетень,
Не выдержав весеннюю осаду.

И сосны, сбросив сдержанность свою,
Огни свечей зажгли в высоких кронах:
Так вдруг самих себя не узнают –
Нарушены привычные законы.

В стволах бежали реки. Трав начало
Так откровенно пробивалось в мир,
Что все звенело от избытка сил,
И май от счастья в стороны качало.

Июнь

День шел, как век, – с началом и концом
И междуцарствием меж дня и ночи,
Как великан, смотрел в мое лицо,
Но не был моей правдой озабочен.

Мы разминулись у его начал –
Он был богаче всех моих созвучий:
Определенности не обещал –
Он шел, как век. А мне был нужен случай.

С утра ныталась я его нагнать,
Но непосильной ноша оказалась:
Мне поступи божественной не знать –
Я у истоков дня одна осталась.

* * *

Долог зной июльского дня,
Жадны песни шмелей басистых –
В этот долгий день у меня
Соскользнуло в траву монисто.

Я просила юных стрекоз
И кузнечиков, тоже юных:
Пока след травой не зарос –
Отыскать, если им не трудно.

Я просила птицу в ночи,
Я просила клен серебристый:
Сам не можешь, так научи,
Как смогу отыскать монисто...

Только травы встали стеной,
У стрекоз отыскалось дело...
Долог день, долог летний зной...
Ничего найти не сумела...

* * *

Обрушит август наземь спелый звон –
Под Курском, под Полтавой, под Смоленском
От яблочных ударов гул вселенский
До ближних звезд раздвинет горизонт.

Прольется круглый ливень молодой
И память оживит и обнадежит:
Без этих ливней спелых жить не сможет
Тот, кто пройдет по саду вслед за мной.

Готова я не пожалеть забот
И вырастить им яблоню в подарок,
Что в год двенадцать раз дарует плод...
Все Спас... Все яблочных гулкие удары...

* * *

...А дневные созвездия птиц сиротливых
Над полями взопли и пропали из глаз...
Вот и август прошел: недозрелые сливы
В нашем старом саду ветер жадный не спас.

* * *

И, за ночь отливая клены в бронзу,
А липы – в медь,
Сентябрь диктует пламенную прозу.
Кому суметь
Без суеты унылой и тревоги
Нам рассказать,
Что все снега зимы уже в дороге
И надо ждать
Коротких дней – короче только эхо
Доносит звук –
Не спрятаться, не скрыться, не уехать –
Вступаем в круг
И злых ветров, и злого нетерпенья
Недужных слов:
Зимы оледенелые ступени
Как правда в лоб.
Но ты читаешь истинную прозу –
Поди заметь,
Что между строк сентябрь сулит угрозу..
Он только клены отлиывает в бронзу,
А липы – в медь.

* * *

Все кончено: октябрь не миновал:
Листва в ногах, скользишь, как по паркету...
Шальной улыбкой обмануло лето,
И осень пронеслась, как карнавал.

Четыре дня звенела медь в лесах,
Как в бубен, ветер бил в листву с разбега...
Отхохотав, отплакав, отплясав,
Все кончено. И скрыто первым снегом.

* * *

Октябрь скользнет последними лучами,
Помедлив, словно путник у порога...
Груз расставаний, груз моей печали
Потянется за мною по дорогам
Старинных городов, столиц и, может –
Чем черт не шутит! – даже дальних стран.

Но где, когда и кто еще поможет
Мне испытать тот сладостный обман,
Что здесь мой дом, что здесь мои закаты,
Мой сад, мои дожди, мое спасенье!
И почему, ни в чем не виновата,
Я у кого-то все прошу прощенья...

* * *

Сотрет ноябрь ненужную нарядность
Последнего кленового листа,
Вчерашних расставаний беспощадность
Уйдет в слова, прозрачна и чиста,

Как это воздух, невесомый, стылый,
Туман над речкой, голые кусты
И как его рабочие листы,
Где мысль с разбегу вдруг остановилась –
И дальше без усилий и тревог
Легла в строку уже чистовиков...

Уйдет ноябрь. Завьюжит, запуржит...
На счастье нам перо его дрожит
На легком сквозняке, и нет печали,
Что к нам его в губернию сослали.

* * *

По-весепнему ветра шумели:
Был декабрь разлит по грязным лужам,
Облака, как серые шинели,
Укрывали день от зимней стужи.

Был декабрь – календари не ввали,
И во что-то надо было верить:
К полночи вчера мороз ударил –
В полдень мы бродили по апрелю.

На земле декабрь – держусь за это,
И разубедить меня не в силах
Яблони шальной живая ветка,
Что цветы бесстыдно распустила.

ПЕСНИ

* * *

*Четыре бы строки – да песней стали:
Широкой – чтобы грудь могла вместить.
О высшем не мечтаю пьедестале:
Смогли бы песней на земле прожить –
Еще мной не услышанные даже,
Еще не излучающие свет,
В которых каждый о себе расскажет
Так, будто бы меня на свете нет.*

* * *

Татьяне Кузнецовой

Ты не вей гнезда,
Птаха малая,
В небесах звезда
Блещет алая.

И зачем тебе
Не стремиться к ней,
Свить гнездо себе
Средь ее лучей.

Крыл твоих бы мне
Ровный сильный взмах,
Я бы к той звезде
Поднялась сама.

Не пугает даль,
Жаркий свет лучей,
Крыльев нету, жаль,
Улетела б к ней...

Ты не вей гнезда,
Птаха малая,
В небесах звезда
Блещет алая...

Бьешься до зари
Не напрасно ли?
Все ль звезда горит,
Не погасла ли...

* * *

Птаха моя, птица,
С ней забот немало:
Зернышко склевала –
Просит: «Дай напиться».

Лодочкой ладони
Ливню подставляла:
Капли не обронит –
Пьет, да все ей мало.

Я ей добывала
Воду из колодца –
Только все ей мало,
Все ей не поется...

Птаха моя, птица,
Уж не захотела ль
Ты живой водицы?..
И она запела.

Птаха моя, птица,
С ней забот немало:
Зернышко склевала –
Просит: «Дай напиться».

* * *

Я жилеточку надену,
Что мне маменька расшила,
Не было, дружок, измены,
Я тебя и не любила.

Ветры нам наговорили,
Птицы в небе накричали,
Будто мы с тобой дружили,
Зорьки ясные встречали.

Будто ты мне перстенечек
Подарил с веселым блеском...
Не было того, дружочек,
Не была твоей невестой.

Ветру шалому да в ноги,
Птицам в небо брошу слово:
Не сводили нас дороги
Возле дуба векового.

Я жилеточку надену,
Что мне маменька расшила...
Не было, дружок, измены –
Я тебя и не любила.

* * *

Ирине Шумиловой

Соупряжница моя, душенька,
За окном у нас утро вешнее...
Я молчу, а ты меня слушаешь:
Ты чиста, а как же я, грешная?..
Соупряжница моя вечная,
Как ручьи бегут: любо-дорого...
Если ты горнишь Богу свечкою –
Как же я ему хуже ворога?..
Соупряжница моя, душенька,
Испотенилась весна ранняя...
Ты молчишь, а я тебя слушаю:
Я жива. Так чем же ты ранена?
Соупряжница моя, душенька,
Как весна катит птичьим праздником...
Только мы с тобой молчим – слушаем:
Ты меня, а я тебя, соупряжница...
Соупряжница моя, душенька...

* * *

Аллеи не было конца –
Все в мире бесконечно,
Рванулись кони от крыльца
Грядущему навстречу.

И темных елей чуткий сон
Нарушен был беспечно...
Сюда еще вернется он –
Не погасите свечи.

Стол, жаркие черновики,
Камни не остывает...
Пусть все дороги далеки,
Но дальше – не бывает.

Пусть в каждой своя тайна есть –
Лишь эта тайна вечна:
Вбежать, к столу скорей присесть –
Не погасите свечи!

Сон старых елей, даль разлук –
Кому из нас отречься?
Чу! Колокольца мерный звук...
Не погасите свечи.

* * *

Стук подъехавшей кареты,
Скрип ступеней, вскрик дверей,
Всполох в комнате свечей,
И вопросом без ответа
Смотрят старые портреты,
И один из них – ничей.

В этих комнатах по кругу
Я бродила как во сне –
Не узнали мы друг друга;
Я не протянула руку
К старой раме на стене.

Окна настезь, в шторах ветер,
Кто-то бродит в кабинете,
И неясная беда
Мне мерещится упрямо,
А когда войду туда:
На стене след старой рамы
Отпечатан навсегда.

Стук подъехавшей кареты...
Всполох в комнате свечей...

* * *

И сегодня нас немало,
Кто через столетье
Золотым вином в бокалах
День Лицея встретит.
Кто помянет поименно
Всех лицейских братьев,
Листья октября – знамена,
Распахнем объятия.
И из самых дальних далей
Стукнут у порога
Те, кого мы в гости ждали:
Живы, слава Богу!
Все мы вышли из Лицея –
Вечный наш подарок.
Эта царская затея
Нам досталась даром.
И сегодня, в день рождения
Братства, муз и света,
Не дано ему забвенья –
За Лицей, поэты!

* * *

Константину Мануйлову

И каждый из нас наследует время,
Но время свое...
Вы ногу закинули в звонкое стремя,
И ветер пост...

Турниры иль войны, восставшая площадь
Иль белая рать...
Уносит гнедая холеная лошадь
Всегда умирать.

На ваших привалах костры и гитара
И пушш голубой...
Французские шутки седых генералов,
А поутру – бой...

Турниры иль войны, восставшая площадь
Иль белая рать...
Уносит гнедая холеная лошадь
Всегда умирать.

И мудрые книги в походных котомках
У каждого есть,
И грезится намьять далеких потомков,
Лишь надо успеть

Взглянуть перед битвой на небо отчизны,
Простить и понять:
Крылатые смерти, крылатые жизни
У вас не отнять...

Турниры иль войны, Сенатская площадь
Иль белая рать...
Уносит гнедая холеная лошадь
Всегда умирать.

* * *

На подносе чайник, чашки,
Тени от печенья:
На обед был чай вчерашний,
А на ужин пенье.

Под гитару, без аккордов –
На одной струне я,
Словно птица с тощим горлом,
Славно петь умею.

На подносе чайник, чашки,
Тени стали тоньше...
На обед был сон вчерашний:
Сыр, отбитый в битве страшной
У вороны тощей.

Но сытней на ужине песни
И на завтрак тоже...
Правда, птице и поесть бы
Послезавтра можно.

* * *

Беднее мыши церковной,
Эмиров бухарских беднее –
Имею один целковый,
Но им по-царски владею.

В кармане старом – прореха,
Но мой целковый при мне:
Два грецких больших ореха
Белкам куплю к зиме.

Детям на черствый пряник,
Набитый стихом звенящим:
За уши не оттянет
Никто от этого счастья.

Ради Христа попросят –
В ладонь подам, не промешкав,
Только прошу подбросить
С ладони: орел иль решка?

Возможности безграничны,
Когда среди хлебных крошек
Хранится целковый личный –
Царская моя ноша!

* * *

Владу Волкову

Я украдала красного коня –
Красный копь увез меня налево,
Не о том душа моя болела,
Но не слышал красный копь меня...

И я украдала черного коня –
Черный конь мне оказал услугу:
Сто веков носил меня по кругу
В той дали, где ждали не меня.

Ах, я украдала белого коня –
Белый конь покрыт шелковым платом,
Этот белый конь меня просватал
За того, кто не узнал меня.

На волю отпускаю табуны:
Не принесло мне счастья конокрадство,
И лошадей таинственное братство
Пасут мои лиловые слоны.

* * *

На качелях я сначала
Долетала до Луны...
Это ночь меня качала,
Проплывали чьи-то сны.

А потом смотрела дерзко
Сквозь прибор, что зорче глаз...
И Луна, как нож турецкий,
Рядом с сердцем пронеслась.

Но Луна с качелей ближе –
Смутной тайною полна;
Я с качелей дальше вижу:
Вверх – Луна и вниз – Луна!

* * *

Татьяне Кирсановой

У каменных львов с голубыми глазами
Я молча стояла с гвоздикой в руке,
Старинным фрегатом в лиловом тумане
Плыл город навстречу по темной реке.

И словно просили парадные входы
Войти и остаться, присесть и пожить,
И как по заказу стояли погоды,
И я могла лучшие платья носить.

А кони ночами, сойдя с пьедесталов,
Послушно стояли под светлым окном,
И всадников знатных ничто не смущало:
Спешившись, беседовали с Петром...

Недолгая сказка – не больше недели,
А там зарядили дожди на шесть лет,
Пустые глазницы львов старых глядели,
Холодные площади не потенлели,
И я осторожно захлопнула двери,
И кони за мной не рванулись вслед...

* * *

Мой спутник по белым почам,
Мой рыцарь печальный,
Горит среди леса свеча
Мерцаньем венчальным.

Живой обжигающий свет,
Крылатые тени,
Мой спутник, мой рыцарь, поэт,
Душа в нетерпенье...

Молчит заколдованный бор,
Тропинки запутав,
И наш золотой разговор
Кончается утром.

И выхода, кажется, нет,
И все слишком ясно...
Мой спутник, мой рыцарь, мой свет,
Все будет прекрасно.

***

«Когда разгорится – прикроете дверцу»,
А старая птица легка на помине...
«Пустите погреться, пустите погреться –
Я вам принесла долгожданное имя»...
Да я ли готова?! В плену ожиданий
Как сказочным сном затуманены очи...
Все страхи – осколки не наших желаний:
«Ищите, найдите, найдете», – бормочет...
Да кто я такая?! И как мое имя?!
Ношу ли всю жизнь я свое оперенье?..
«Никто не подаст, и никто не отнимет,
А страхи сгорают в огне озаренья».
Но что это?! Белые стрелы сквозь сердце:
Все тайны мои мне известны отныне...
«Когда разгорится – прикроете дверцу...»
Никто не подаст и никто не отнимет...

Я вернулась в свой сон, занавешенный
розовым запахом,
Где дымятся у ног незабудки в росистой траве...
Все бежало навстречу, дивилось,
кричало и ахало:
Я пропала для них год назад
в золотом октябре.

Где была? Как жила?
И какие мне тайны доверены?
Как ушла, не слышали, хватилась –
лишь осень вокруг.
След нашли на траве, но глазам своим, нет,
не поверили:
Без конца и без края живой
неразорванный круг...

Как спаслась и какие,
какие мне вышли скитания?
Неужели Великая Явь не смогла удержать?
Не умея солгать, я давала свои показания:
Я вернулась в свой сон,
продолжая по кругу бежать.

* * *

Московский гость, заезжий рыжий кот,
Пленительный, как юный египтянин,
Лежит с утра беспечно на диване,
Не зная радости моих забот.

Все для него: и мысли, и дела,
Наряды, кухня, чердаки, подвалы, –
А без него и кошкой не была,
Я без него сама себя не знала.

Страсть не судьба... Судьбу благодарю:
Московский гость мне объяснил напередни,
Что он навек останется в деревне,
Что рыбный суп я лучше всех варю...

Детские песенки

* * *

Отменный мастер дел скрипичных
Живет в саду под кленом
И ладит скрипочки отлично
Кузнечикам зеленым.

С ним по соседству славно жить –
Он ключ скрипичный знает.
И стрекозятam с ним дружить
Их мамы разрешают.

В ногожий вечер в тишине,
Пока не надоест,
Играет польки вам и мне
И старый полонез.

Квартет скрипичный написал
Для бабочки беспечной,
И травяной народ плясал
Под скрипочки весь вечер.

А он отбросил свой смычок
И с легоньким поклоном
Встряхнул свой старый паричок,
Камзольчик свой зеленый.

Отменный мастер дел скрипичных
Живет в саду под кленом,
И ладит скрипочки отлично,
И пишет серенады лично
Кузнечикам влюбленным...

Среди трав на солнечном лугу
Даже чудо иногда возможно:
«Ветер, косу заплести поможешь?»
«Ленточку на облако положишь, –
Отвечает ветер, – помогу».

Тоненькую руку подняла –
Золотых волос унаши струи...
«Задала задачу непростую:
Эту косу, словно бор, густую
Расчесать не хватит мне и дня».

И позвал на помощь он стрекоз –
Ведь стояла середина лета,
И кузнечники из ста квартетов
Тут же гимн исполнили об этом
Под веселым ливнем из волос.

Облако же с лентою сбежало:
Странствует сейчас по небесам,
Но не верят тем, кто видел сам
Облако с веселым бантом алым.

Что делать ослику в Москве:
Сбежал из зоопарка
И привязался он ко мне,
И мне его так жалко...

Он на балконе целый день
Ест с сыром бутерброды,
И мне ему совсем не лень
Менять в корытце воду.

Однажды – улеглась я спать –
Вдруг ослик крикнул: «Иа...»
Я бросилась его снасать,
Хотя сама пуглива.

Я поняла: он удручен,
Тоскливо ему очень.
Прижалась я к нему плечом:
Как горько плакать ночью!

А утром мы вошли в трамвай,
И вез нас поезд скорый,
Сказала ослику: «Прощай,
Забудь про шумный город,

Вот поле, вот большой арык,
Вот новый твой хозяйн...»
Он телеграммы шлет, привык,
Его не обижают.

Одни Маркиз Обжоркин
Однажды на балу
Котлету с хлебной коркой
Стащил и съел в углу...

«Умрет король голодным, —
Вскричала королева, —
Противный кот негодный,
Поймать его», — велела.

И по паркетам скользким,
Со шпагами, при шпорах
Метнулись дружным войском
По длинным коридорам.

Безумная погоня,
Попробуй разберись...
Король рыдал на троне:
«Котлету съел Маркиз».

И фрейлины от ужаса
Лежали под столами:
«Король лишился ужина,
Что сделает он с нами?»

Под шлейфом золотистым,
Под королевским тронном
Мурлыкал наш Маркизка,
Облизывал корону.

Колыбельная

На закате кончилась пряжа:
Намотали ровный клубочек...
Время будет – варежки свяжем,
Спи, зима не страшна, сыночек.

Только солнце в окна заглянет,
Мы с утра новый луч привяжем,
Намотаем солнечной пряжи,
Так и зиму с тобой обманем.

Обжигает нить летним жаром...
Завтра утром достанем спицы.
Надо шарфик связать, пожалуй,
Чтобы ты не мог простудиться.

На закате кончилась пряжа –
Намотали жаркий клубочек...
Время будет, шапочку свяжем,
Спи, зима не страшна, сыночек...

Содержание

«В том месте, где земля избыток сил...»	3
ПОЗВОЛЬ МНЕ БЫТЬ	
«Безмолвье тьмы не расколоть...»	4
Молитва	5
«Ненесчерпаемая тайна...»	6
«Я исчерпала собственные сны...»	7
«Целую твой голос, разлитый до утренних зорь...»	8
«Дышало солнце над пространством вод...»	9
«От храмов отливала плащаницы...»	10
«Чтобы вынесло сердце эти белые стрелы энергии...»	11
«Священный дар во мне – живая память...»	12
«А может быть: явилась я оттуда...»	13
«И в угольках вчерашнего огня...»	14
«Из света возникает свет...»	15
ТВОРЧЕСТВО	
«До термоядерной мощи Евангелий...»	16
«Прости меня: не успеваю Быть...»	17
<i>Одиночество</i>	
«Одиночество – избранникам...»	18
«Не советуйте мне. От себя отрешиться не просто...» ..	19
«Пока мы готовы прислушаться к зову надежды...» ...	20
«Усталость самого слабого в стае...»	21
«На перекрестке обморока жизнь...»	22
<i>Боюсь стихов</i>	
Болезнь	23
«Я только ухо, чтобы слышать даль...»	24
«Кружево черных кустов...»	25
«Острые локти на белый лист...»	26
«Судьба и биография несхожи...»	27
«Дуэлей нет. Подлец для гения...»	28
«Какне горькие дожди...»	29
«Я здесь ниоткуда...»	30
«Во мне спрессованы в граниты...»	31
«Красная память слов...»	32
«Приблудились, откуда – неясно...»	33

«Боюсь стихов, пришедших шоткуда...»	34
«Душа, перетекавшая в цветок...»	35
«Веду гремящий вал своих стихов...»	36
«Плоть камня – это плоть тысячелетней...»	37

Спасибо, Господи!

«Читаю лица встречные с листа ...»	38
«Так потрясает собственная жизнь...»	39
«И сотни колокольчиков лиловых...»	40
«Эту бездну в себе я измерила собственным словом...»	41
«Как на груди могучей белой птицы...»	42
«И дается особая власть...»	43
«Сбивает гнезда сонная усталость...»	44
«Обыденная жизнь стола...»	45
«Ночь снесла золотые яйца предчувствий...»	46
«Сколько людей во Вселенной, столько и звезд...»	47
«Известно мне: все тайны, все миры...»	50
«Я исследую сны своей странной запутанной жизни...»	51
«В сиянье слов, в плаше весёлых роз...»	52
«Не удалось себя продать...»	53
«Спасибо, Господи, за долю...»	54
«У меня больше нет ответов на вопросы...»	55
«От этого хаоса, мрака, чужого...»	56
«Вхожу в золотые поля...»	57

ОСОЗНАВАЯ РОДИНУ

«О этих зябких мыслях череда...»	58
«Сколько горечи бессилья...»	59
«Чужого горя не бывает...»	61
«Не суди, приятель, другого...»	62
«Дождь без конца и без начала...»	63
«И землю целую ступнями босыми...»	64
«Осознавая Родину, как сон...»	65
«Спит Родина моя и днём и ночью...»	66
«И пьешь, как музыку...»	67
Москве	68
Дношнему	69

ГОСТЬ

«И лишая себя покоя...»	75
Вокзал	77
«Высокие стены холодных и белых вокзалов...»	78

Полустанки России	79
Странный гость	80
«Что будет дальше – не скажу...»	81
«Нет никого: ни близких и ни дальних...»	82
«Вечно не устану верить...»	83
«Еле заметный уцерб...»	84
«Проступает голос, лик ли...»	85

СНЫ

«Удобрение собственных снов...»	86
«Сто подков в ночи – как одна...»	87
«Сны ушлывали в сумраке метели...»	88
«Мгновенье на пороге дня...»	89
«А я в глухих почках всегда одна...»	91
«Я всегда была чьим-то сном...»	92
«Валокординовые сны...»	93
«Сегодня будет новость о далёком...»	94
«Сплю. Во мне медвежонком коала...»	95

НОЧЬ ЛЕГЛА У ПОРОГА

«Знак римской цифры тащит с нами бремя...»	96
«Однажды наступает, как потеря...»	97
«Да перетекает в Пет. Пет перетекает в Да...»	98
«Воспоминания становятся снами...»	99
«День был как вечер – серый. Улиц ряд...»	100
«Я здесь одна... Так в вечности гостят...»	102
Взгляд в окна	103
«Ночь легла у порога, все тайны свои перецутав...» ..	104
«Всё боливсья отпустить перила...»	105
«И меньшее из всех моих открытий...»	106
«Луны замороженный стылый свет...»	107
«Страшные тайны состарились вдруг...»	108
«Все утраты дарованы на века...»	109
«Просто ушли вперед...»	110
«Жизнь – это коротко, как вдох...»	111
«Сосуды времени разбавлены водой...»	112
«В плену у ночи ожидая дня...»	113
«Сто одиночеств разных, но моих...»	114
«Тяжелое небо от наших молитв...»	115
«Все пути нарисованных карт...»	116
«Незнание – пространство перед тем...»	117
«А день клопился сумрачно к закату...»	118
«Потеряли память циферблаты...»	119

«Добро и зло... Да кто их в мире видел...»	120
БОЙ И СЕЙЧАС ИДЕТ	
«В снах погоны напев пугающий...»	125
«Конь-язь – имеющий копы...»	126
«В стихах – призывный клич трубы...»	127
«Здесь под каждым камнем снят спокойшо...»	128
«О, с этими стихами сладу нету...»	129
«Священное безумие войны...»	130
СТАРУХИ	
«...Откуда помню, как в январский день...»	131
«Входит старая женщина в дом мой...»	133
«Ветер жадный, темно-синий...»	134
«Три дома – три души – снят в этом поле ровном...» ..	135
«Я третья из мелюшнских старух...»	136
«Все дела отложила и в пятницу эту сидела...»	137
«На черных спинах белые углы...»	138
«Старый мрамор в прожилках спинах...»	139
«Шлепа старуха золотую шить...»	140
«Я выбежала! Да куда!...»	141
«Старухе было девяносто лет...»	142
Я ВЫРАСТАЮ ИЗ НАДЕЖД	
«Невнятна. Тяжела. Бездомна...»	144
«Я вырастаю из надежд...»	145
«Я незабудок пламя голубое...»	146
«Течет через меня живой поток...»	147
«Невнятны зеленые ветры предчувствий...»	148
«Умолкли страницы рассказанной книги желаний...» ..	149
«Когда мне открылось, каким поворотом ключа...»	150
«Больно: осколки живого солнца...»	151
«Когда мрак мой станет как полдень...»	152
«Моей души расширенная память...»	153
ПТИЦЫ	
«Вся воплощение тайны ремесла...»	155
«Мне было сказано во сне...»	156
«Не получилось. Птичий всплеск...»	158
«Во сне впервые птица...»	159
«А если этот ворон и склевал...»	160
«Хлопьями черной сажн...»	161
«Осени рассветы медью отзвонили...»	162
«Олеся, я прнехала. И значит...»	163

«Ты думал, я уехала с вокзала...»	164
«По языческий бог ответит...»	166
ЛЮБОВЬ	
«Начало космической эры...»	167
«Ты помнишь яблоко в руках монах?..»	168
<i>Теперь не умереть</i>	
«А любовь – заколдованный праздник...»	169
«Сто солнц ослепших зажжено...»	170
«У эскизов, написанных маслом...»	171
Монолог женского портрета	
(холст, масло, 60x80)	172
«Поздним вечером буду стоять на балконе...»	174
«И жарких слов бесстыдство и обман...»	176
«А рядом жил художник. Он во всем...»	177
«Теперь – не умереть. Все остальное...»	179
<i>Не вспомнила о нем!</i>	
«Звук имени бы твоего украсть...»	180
«Случайный человек не вял...»	181
«Вдруг в чьих-то снах, у самого рассвета...»	182
«Заблудилась в Ваших снах...»	183
«Воска ярого свеча...»	184
«Штыть смахнула – кренделики...»	185
«Я в комнату вошла: как парус, шторы...»	186
«И как мне жить без глаз твоих...»	187
«Я убаюкиваю сон...»	188
«Свой отдам и подстелю соломы...»	189
<i>Мой голос – это флейты выдох</i>	
«...И не было ни этих горьких писем...»	190
«Вы девочки, весталки, жрицы...»	191
«Мой голос – это флейты выдох...»	192
«Я только нынче птицей не была...»	193
«Свет свечи, тепло от нечки...»	194
«Ушел. Еще дышали половицы...»	195
«Теряю тебя, теряю, как птица...»	196
«В разлуке, очарованные змием...»	197
«Куда мне с этой музыкой – обрушит...»	198
«Любимый мой! Откуда тяжесть уз...»	199
<i>Иллюзия встреч</i>	
«Как ветер, травы, звезды и рассветы...»	200
«Вот он, круг моей печали...»	201
«Я приснилась Египтянину...»	202

«Солнечный зайчик в моем обходе...»	203
«Все кончается тихой зрелостью...»	204
«О сколько тех, кому моя рука...»	205
«Звезда пошла, распарывая даль...»	206
«Я поклоняюсь великой плюзии встреч...»	207
«Нездешней милостью венчающий...»	208

Поэму

«Я в 12 веке...»	209
«В гостинице, где только десять мест...»	211
«Я крик неумеренней души...»	213
«Прозрачные крылья встревоженной бабочки...»	214

Маленькая поэма

I. «...Любовь не выбирает дня...»	215
II. «Мы молчали с такою силой...»	216
III. «Как только слово нам под силу стало...»	217
IV. «Радость учит надежней всего...»	218
V. «Все стихи о тебе – это только стихи обо мне...»	220

ДЕРЕВО

«Вся-то сказка – не бывает проще...»	221
«Взлетали навстречу крылатые сосны...»	222
«Ночью, только глаза закрою...»	223
«Лес мой, лес, золотой поток...»	224
«Сонные ветры скользнули с ветвей...»	225
«Две лица в розовых крылатках...»	226
«Снится опять, не дает покоя...»	227
«Сирени, спице ветра...»	228
«Орган сосновый был неукротим...»	229
«Есть младший брат, есть дерево, есть птица...»	230
«Ветер вылизал рощу...»	231
«Как выйти теперь из спасительной плоти сосновой...»	232
«Я – дерево. Высокая сосна...»	233

ПРИРОДА

«Так таинственно, так изменчиво...»	234
«Под высокое небо, в холодок подорожников...»	235

Сад

«Полощут в небе розовый закат...»	236
«Звук тревожный, воровской...»	237

«Прозрачный сад с опавшею листвою...»	238
«Звездный порох... Окна в сад...»	239
«Ветер, яростен и жалок...»	240
«Уеду. В никуда уйдет закат...»	241
«Гудят колокола прозрачных лип...»	242
«Пересчитала яблоки – не счесть...»	243
Михайловскому саду	244
<i>Гроза</i>	
«Обвал вчерашний все еще дымился...»	246
«Неслышно сшиблись тучи вдаль...»	247
«Весенние густые вечера...»	248
«Темный лик затаенной воды...»	249
<i>Меж луной и закатом</i>	
«Золотое пшеницы поле...»	250
«Меж луной и закатом...»	251
«То ли звезды шуршат...»	252
«На затаенном скошенном лугу...»	253
<i>Бубенчики света</i>	
«Не удивят осенние причуды...»	254
«А сумрак ночи остывал вдали...»	255
«В зелени высоких лип...»	256
«В золотой сердцевине заката лилового...»	257
«Синий сумрак с синими звездами...»	258
«Волн серебряные змен...»	259
«Сто веков умножаю на бесконечность...»	260
«Я высекаю огонь...»	261
«Навечно стерты мира очертанья...»	262
«Я Вас ждала. И длинный-длинный день...»	263
«Разломали, как пряник свежий...»	264
Горный Крым	265
«Золотая тишина...»	266
«Я вас помню так неумело...»	267
«Словно нить прядёт...»	268
«Ручейков серебряные несни...»	269
«Как головешки с черных крыш...»	270
«В испуганной ладони стрекоза...»	271
«Цалую русые головки...»	272
«Луг вскипал где красным, где лиловым...»	273
«Высокне по духу дни...»	274
«День звенел бубенчиками смеха...»	275
«Еще не раз тебе поможет небо...»	276

МИХАЙЛОВСКОЕ

Прощание с Михайловским в сентябре	277
«Я приносила полстрочки...»	279
«Лес затанцал тысячью дышаний...»	280
«Ночь читала стихи...»	281
«Я опустила руки в глубину...»	282
«Страшный сон на семи страницах...»	283
«С грецкий орех в середине июля...»	284
«Словно что-то не пускает...»	285
«Я ждать устала – скоро третий год...»	286
«Синим шелком стелется ветер...»	287
«С крыльца спустись – над озером, в тумане...»	288
Воспоминания о Михайловском	289
«...Был погружен в себя жасмина куст...»	289
«Почему-то именно январь...»	290
«Распахнутый, как ночь, собор стоял...»	291
«Этой ночью я одна...»	292
«Усталый черновик. Михайловское. Осень...»	294
Наброски к поэме	295

ВСТРЕЧИ

«И какой-нибудь новый...»	300
«Осмеянный на перекрестках вечных...»	301
Детское	302
«Руку твою держала...»	303
«Синий ленок я сеяла...»	304
«Мы пленники единого числа...»	305
«В его стихах количество камней...»	306
«Сопеты Солнца, меда и Луны...»	307
«Символика древних гербов...»	308
«Я спорила с Ахматовой однажды...»	309
«Спасибо Гумилеву Льву...»	310
«И говорила – как трава растет...»	311
«В старом доме и дерево камень...»	312
«Как звенело в стихах моих детских...»	313
«Из русской речи, из московских улиц...»	314
Цветаева и Блок	315
«С запахом чужого нота...»	316
Дом на Арбате	317
«Устала от странного ритма...»	318
«Мальчик мой, тоненький, слабый росток...»	319
«Уронила строку, и сквозь тысячи лет...»	320

«Федерико...» – и сны отлетали прочь...»	321
«Золотая пыль Испании...»	322
«Откуда эта мудрая печаль?...»	323
«Такой прозрачный, нежный человек...»	324
«И я опять на склонах золотых...»	325
«Преподобный отче наш Серафиме!...»	326
«Святой праведный отче...»	327
«Оголенное слово костры поджигало...»	328
«Постигла солнечную суть...»	329
Колыбельная для отца Николая (Гурьянова)	330
«Тихий свет, синева куполов...»	331
«Весь этот март, как яблоко, что зрею...»	332
«И женщина – с лицом звезды летящей...»	333
«Соловиные сны пришли мне сегодня на ужин...»	334
Письмо в Австралию	335
«Я источаю аромат...»	336
«Неделя в ожидании тепла...»	337
«Прорись майского дерева...»	338
«Часы идут, а циферблаты смыты...»	339
«Я выхожу на перекресток дня...»	340
«Узнаю удивление У...»	341
«Во мне ответ на ваш вопрос...»	342
«И чистая душа твоя...»	343
«Звезды – только знаки Высшей воли...»	344
«Закаты за готическим окном...»	345
«В прихожей шарабахнуло сильно...»	346
«В белом зеркале майя...»	347
«Я пла троной извилистой к закату...»	348

КАЛЕНДАРЬ

«Одинокой почной метели...»	349
«В хрустальной сказке, по почам...»	350
«Белое утро с серым крылом...»	351
«Февраль – месяц кривых дорог...»	352
«Розы в сугробах – диво земное...»	353
«Метель крутила белые спирали...»	354
Сломался проигрыватель	355
«Шелест снега всю ночь напролет...»	356
«Апрель... Ни одного подарка...»	357
«До горизонта даль чиста...»	358

«Среди юного дыма майской листвы...»	359
Воспоминание о мае	360
«Оставленные гнезда ждали птиц...»	361
Июнь	362
«Долог зной июльского дня...»	363
«Обрушит август наземь спелый звон...»	364
«...А дневные созвездия птиц спротивых...»	365
«И, за ночь отливая клеши в бронзу...»	366
«Все кончено: октябрь не миновал...»	367
«Октябрь скользнет последними лучами...»	368
«...Этот октябрь был свинцового вязкого цвета...»	369
«Сотрет ноябрь ненужную нарядность...»	370
«По-весеннему ветра шумели...»	371

ПЕСНИ

«Четыре бы строки – да песней стали...»	372
«Ты не вей гнезда...»	373
«Птаха моя, птица...»	374
«Я жилеточку надену...»	375
«Соунряжница моя, душенька...»	376
«Алеи не было конца...»	377
«Стук подъехавшей кареты...»	378
«И сегодня нас немало...»	379
«И каждый из нас наследует время...»	380
«На подносе чайник, чашки...»	382
«Беднее мыши церковной...»	383
«Я украли красного коня...»	384
«На качелях я сначала...»	385
«У каменных львов с голубыми глазами...»	386
«Мой спутник по белым ночам...»	387
«Когда разгорится – прикроете дверцу...»	388
«Я вернулась в свой сон, запавший розовым запахом...»	389
«Московский гость, заезжий рыжий кот...»	390

Детские песенки

«Отменный мастер дел скриничных...»	391
«Среди трав на солнечном лугу...»	393
«Неожиданно, и очень...»	394
«Что делать ослику в Москве...»	395
«Один Маркиз Обжоркин...»	396
Колыбельная	397

Лариса Реональдовна Патракова

«И коснулась звезды...»

Стихи

Рисунок на обложке – автора

